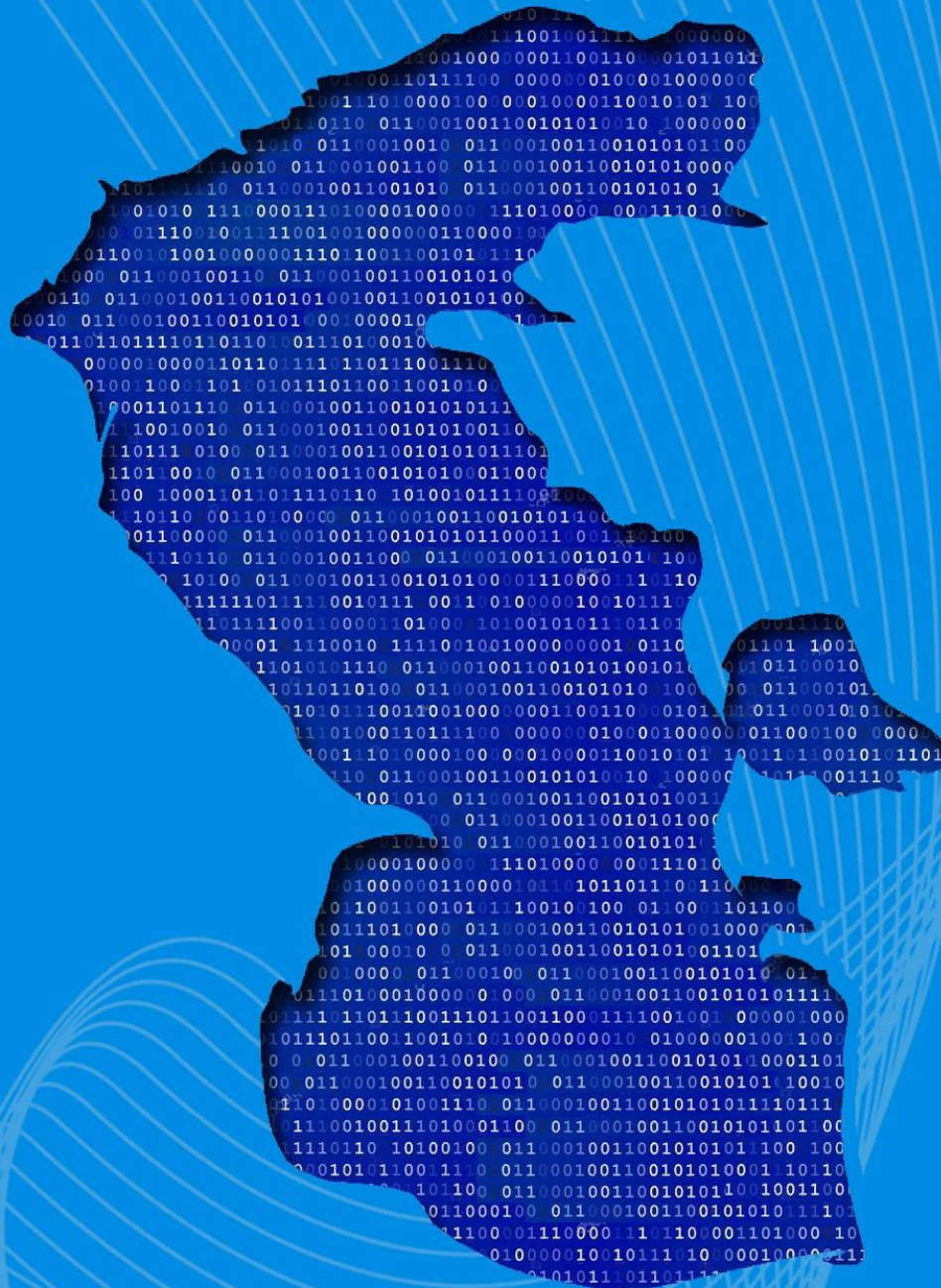

Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

T.2 №2

ISSN 2713-024X

CASPIUM SECURITATIS:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal

caspiumsecuritatis.ru

Vol 2 No 2

2022

CASPIUM SECURITATIS:

журнал каспийской безопасности

научный электронный журнал

caspiumsecuritatis.ru

Том 2 Номер 2

2022

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief	<i>Anna P. Romanova</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Institute for Research on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Deputy Chief Editor	<i>Elena V. Khlyshcheva</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editors	<i>Lydia G. Zolotikh</i> , Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. Sichuan, China <i>Olga Y. Kosmacheva</i> , Ph.D., associate professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editor of the English version	<i>Elena A. Yakovleva</i> , chief specialist, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Journal manager	<i>Dmitriy A. Chernichkin</i> , researcher, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Editorial Board	<i>Əli Məmməd oğlu Abbasov</i>, Dr. Habilitatus in Economy, Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku, Azerbaijan <i>Alexander N. Barmin</i>, Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia <i>Baazr A. Bicheev</i>, Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk Scientific Center RAS. Elista, Russia <i>Madina B. Gimbatova</i>, Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Makhachkala, Russia <i>Sergey S. Zhiltsov</i>, Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow, Russia <i>Musa M. Ibragimov</i>, Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. Grozny, Russia <i>Pavel L. Karabuschenko</i>, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Ayzhamal I. Kudaibergerova</i>, Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Almaty, Kazakhstan <i>Natalia L. Kurepina</i>, Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. Elista, Russia <i>Oksana K. Mineva</i>, Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Mohammad Tagi Mokhtari Behruz</i>, PhD, Islamic Azad University. Tehran, Iran <i>Nail M. Mukharyamov</i>, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia <i>Rafik Kh. Usmanov</i>, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Maria M. Fedorova</i>, Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. Moscow, Russia <i>Anna V. Fedotova</i>, Dr. Habilitatus in Biology, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Reza Kheyroddin</i>, (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). Tehran, Iran <i>Arbakhan K. Magomedov</i>, Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). Moscow, Russia <i>Eugen Străuțiu</i>, Ph.D. professor Lucian Blaga University of Sibiu Romania <i>Robert M Cutler</i> Dr, Practitioner Member, Waterloo Institute for Complexity and Innovation, University of Waterloo, Canada <i>Vakhtang Maisaia</i>, Doctor of Political Science, Professor, Caucasus International University and Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	<i>Анна Петровна Романова</i> , д. филос. н., профессор, директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Заместитель главного редактора	<i>Елена Владиславовна Хлыщева</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературные редакторы	<i>Лидия Глебовна Золотых</i> , доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, Китай <i>Ольга Юрьевна Космачева</i> , кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературный редактор английской версии	<i>Елена Андреевна Яковлева</i> , главный специалист, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Менеджер журнала	<i>Дмитрий Алексеевич Черничкин</i> , научный сотрудник, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Коллегия редакторов	<i>Али Мамед оглы Аббасов</i> , д. экон. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана (НАНА). Баку, Азербайджан <i>Александр Николаевич Бармин</i> , д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Баазр Александрович Бичеев</i> , д. филос. н., Калмыцкий научный центр РАН. Элиста, Россия <i>Мадина Багавутдиновна Гимбатова</i> , д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, Россия <i>Сергей Сергеевич Жильцов</i> , д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, Россия <i>Муса Муслиевич Ибрагимов</i> , д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, Россия <i>Павел Леонидович Карабущенко</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергеннова</i> , д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Национальная академия наук республики Казахстан. Алматы, Казахстан <i>Наталья Леонидовна Курепина</i> , д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, Россия <i>Оксана Карловна Минева</i> , д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Мохаммад Таги Мохтари Бехруз</i> , PhD, Исламский университет Азад. Тегеран, Иран <i>Наиль Мидхатович Мухарямов</i> , д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, Россия <i>Рафик Хамматович Усманов</i> , д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Мария Михайловна Федорова</i> , д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, Россия <i>Анна Владиславовна Федотова</i> , д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Реза Хейроddин</i> , Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, Иран <i>Арбахан Курбанович Магомедов</i> , д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, Россия <i>Юджин Штраутиу</i> , Ph.D, профессор, Университет Луциана Блага. Сибиу, Румыния <i>Роберт М.Катлер</i> , доктор, Институт сложных систем и инноваций, университет Ватерлоо. Канада <i>Вахтанг Майсая</i> , д. полит. н., профессор Кавказского международного университета и Тбилисского государственного университета, Тбилиси, Грузия .

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

The Journal charges a fee of 5\$ to assign a DOI name.

Best regards,

Editors

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020
Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона, в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущих специалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные отрасли науки, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

24.00.00 Теория и история культуры

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

08.00. 05 Экономика и управление народным хозяйством

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются **БЕСПЛАТНО**, авторский гонорар не выплачивается. Журнал взимает комиссию в размере 300 рублей за присвоение DOI.

**С уважением,
редакция журнала**

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Content

INTEGRATED SECURITY OF THE CASPIAN REGION

Iskandar M. Azhmukhamedov & Victoria A. Koryakova

INVARIANT ONTOLOGICAL MODEL OF THE PROCESS OF
ENSURING INTEGRATED SECURITY OF THE CASPIAN REGIONS 11-22

CASPIAN REGIONAL RESEARCH: IRAN

Seyedeh Rezvaneh Mokhtari

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON SOCIO-CULTURAL
CHANGES IN THE IRANIAN FAMILY 23-33

Alexey N. Leukhin, Elena M. Malinkina & Inna V. Logunova

STEREOTYPES OF SOCIAL GROUPS OF THE POPULATION
OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN RELATION TO RUSSIA
AND ITS INHABITANTS 34-45

THEORETICAL PROBLEMS OF PERSONAL SECURITY

Yuliya V. Lobanova

EMOTIONAL AMBIVALENCE OF PERSONAL RELATIONSHIPS 46-56

Sergey L. Grigoryev

EFFECTS AND RISKS OF TRANSFORMING THE SCREEN
OF PORTABLE DEVICES INTO A NEW HUMAN BODY 57-66

SCIENTIFIC LIFE IN THE CASPIAN REGION

Elena V. Khlyshcheva

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE "CASPIAN AND GLOBAL CHALLENGES" 67-76

Содержание

КОМПЛЕКСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Ажмухамедов Искандер Маратович, Корякова Виктория Андреевна ИНВАРИАНТНАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЙСКИХ РЕГИОНОВ.....	11-22
--	-------

КАСПИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИРАН

Сейедех Мохтари Резванех ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИРАНСКОЙ СЕМЬЕ	23-33
--	-------

Леухин Алексей Николаевич, Малинкина Елена Михайловна, Логунова Инна Вячеславовна СТЕРЕОТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН ОТНОСИТЕЛЬНО РОССИИ И ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ.....	34-45
---	-------

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Лобанова Юлия Владимировна ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	46-56
--	-------

Григорьев Сергей Леонидович ЭФФЕКТЫ И РИСКИ ПРЕВРАЩЕНИЯ ЭКРАНА ПОРТАТИВНЫХ УСТРОЙСТВ В НОВУЮ ТЕЛЕСНОСТЬ	57-66
--	-------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Хлыщева Елена Владиславовна МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАСПИЙ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ»	67-76
---	-------

INVARIANT ONTOLOGICAL MODEL OF THE PROCESS OF ENSURING INTEGRATED SECURITY OF THE CASPIAN REGIONS

Iskandar M. Azhmukhamedov

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: aim_agtu@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9058-123X>

Victoria A. Koryakova

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: koryakova-01@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2472-9248>

ABSTRACT

The article deals with the actual problem of ensuring integrated security, which largely determines the quality of life in the region. The main directions of ensuring security, the criteria characterizing them are singled out. To unify approaches to ensuring the integrated security of the region, an invariant ontological model is proposed that shows the relationship between the concepts of the subject area. Combining heterogeneous approaches described in the framework of the directions of ensuring integrated security into a single whole will allow for systematic monitoring of the state of protection of the most important national interests and the degree of their deformation in order to timely detect, prevent and localize negative processes in the economic, environmental, informational and other spheres of the Caspian region.

KEYWORDS

integrated security; security level; unification of approaches; ontological model; directions of security; security criteria.

ACKNOWLEDGMENT

The study was supported by a grant of fundamental research projects as part of the implementation of the strategic projects «Development Program of Astrakhan State University for 2021-2030» «Methodological foundations for assessing and managing the level of integrated security in the region».

ИНВАРИАНТНАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ажмухамедов Искандар Маратович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Россия, Астрахань

E-mail: aim_agtu@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9058-123X>

Корякова Виктория Андреевна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Россия, Астрахань

E-mail: koryakova-01@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2472-9248>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена актуальная проблема обеспечения комплексной безопасности, которая в значительной степени определяет качество жизни в регионе. Выделены основные направления обеспечения безопасности, критерии, их характеризующие. Для унификации подходов к обеспечению комплексной безопасности региона предложена инвариантная онтологическая модель, которая показывает взаимосвязь понятий предметной области между собой. Объединение разнородных подходов, описанных в рамках направлений обеспечения комплексной безопасности в единое целое, позволит проводить системный мониторинг состояния защищенности важнейших национальных интересов и степени их деформации с целью своевременного обнаружения, профилактики и локализации негативных процессов в экономической, экологической, информационной и иных сферах Прикаспийского региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

комплексная безопасность; уровень безопасности; унификация подходов; онтологическая модель; направления безопасности; критерии безопасности.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при поддержке гранта фундаментальных научно-исследовательских проектов в рамках реализации стратегических проектов «Программы развития Астраханского государственного университета на 2021-2030» «Методологические основы оценки и управления уровнем комплексной безопасности региона».

ВВЕДЕНИЕ

Безопасность любой страны, любого государства напрямую зависит от безопасности ее регионов. Для России, с учетом ее геополитического положения и федеративного устройства, представляется особенно важной степень внимания государства к различным уровням своей не только национальной (федеральный уровень), но и региональной безопасности. Прикаспийский регион является одним из важнейших регионов в составе Российской Федерации, поскольку он является трансграничным. Здесь пересекаются многие торговые пути. Обеспечение безопасности Прикаспийского региона, а также обеспечение безопасности так называемого Большого Каспия, включающего в себя страны, имеющий выход к Каспийскому морю (Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан, Туркмения) и прилегающие к ним страны (Грузия, Армения, Ирак, Афганистан) является одной из важнейших геополитических задач.

В результате анализа литературы (Заплатинский, 2006, Халиуллина, Малыгина, 2015, с. 111-114, Концепция комплексной системы обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, 2010), посвященных проблеме комплексной безопасности, было сформулировано понятие комплексной безопасностью региона, под которым будем понимать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в рамках субъекта (группы субъектов) Российской Федерации.

Задачами комплексной системы обеспечения безопасности региона являются предупреждение чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидация их последствий, предупреждение ситуаций, которые могут привести к нарушению функционирования систем жизнеобеспечения населения, ликвидация их последствий, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений.

При этом различают *основные направления комплексной безопасности* (по сферам жизнедеятельности) – экономическая, информационная, экологическая, криминологическая, социальная и т.д.

Экономическая безопасность региона определяется через ресурсные возможности и способность региональной экономики последовательно повышать уровень благосостояния граждан с учетом общероссийских и мировых стандартов качества жизни.

Социальная безопасность – совокупность мер по защите интересов народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей.

Информационная безопасность субъекта Российской Федерации – это сохранность информационных ресурсов страны, их защищённость, обеспеченность законных прав личности и общества в информационной сфере.

Под экологической безопасностью подразумевают устойчивое состояние защищенности окружающей среды от реальных и потенциальных угроз,

воздействующих на биосферу, которые возникают в результате антропогенного воздействия на нее.

Криминологическая безопасность – это состояние защищенности законных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, источниками которых выступают явления, в той или иной степени связанные с преступностью, общественно опасными посягательствами, криминальной деятельностью, интересами криминалитета.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Система комплексной безопасности подразумевает состояние защищенности региона от реальных и прогнозируемых угроз социального, техногенного, природного, информационного характера, обеспечивающее его безопасное функционирование. Задачи оценки, тем более управления комплексной безопасностью макрорегиона для любого из перечисленных аспектов является слабоструктурированной и трудно формализуемой.

Для каждого направления безопасности необходимо четко сформулировать критерии, характеризующие ее уровень. Что именно понимается под безопасным уровнем? Важной задачей является также формирование глоссария предметной области. И если для некоторых областей эта задача в достаточной степени проработана (например, в сфере информационной безопасности), то для других аспектов обеспечения безопасности она все еще является актуальной.

В качестве основных критериев безопасности можно выделить следующие:

1. В сфере экономической безопасности: индекс физического объема валового регионального продукта, валовой региональный продукт на душу населения, доля валового регионального продукта в общем объеме валового внутреннего продукта, государственный долг субъектов Российской Федерации, энергоемкость валового регионального продукта, оборот розничной торговли на душу населения, доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте, степень износа основных фондов, уровень инфляции, доля инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал, индекс промышленного производства, индекс производительности труда, доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в валовом региональном продукте, доля организаций, осуществляющих технологические инновации (Рощупкина, Сидорина, 2019, с. 25).

2. В сфере социальной безопасности: уровень официально-зарегистрированной безработицы, уровень скрытой безработицы, доля не занятых трудовой деятельностью граждан, ищущих работу, в общей численности экономически активного населения, численность не занятых трудовой деятельностью граждан, ищущих работу, заявленная предприятиями

потребность в работниках, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, средняя зарплата, прожиточный минимум, общее число зарегистрированных преступлений, общее число зарегистрированных преступлений, расходы бюджета на социально-культурные мероприятия (Сарайкин, 2010, с. 63-65).

3. В сфере информационной безопасности: конфиденциальность; целостность; доступность; аутентичность, неотказуемость, уровень проникновения деструктивной информации в информпространство региона и восприимчивость населения к такого рода информации, наличие у социума информационного иммунитета к деструктивной информации. При этом под информационным иммунитетом будем понимать устойчивость к информационной агрессии со стороны массовой коммуникации, и способность к самостоятельному независимому восприятию и анализу информации (Лагун, Строев, 2018, с. 108-110).

4. В сфере экологической безопасности: для экологических систем главными критериями безопасности выступает целостность, сохранность их видового состава, биоразнообразия и структуры внутренних взаимосвязей. Для индивидуумов главным критерием безопасности является сохранение здоровья и нормальной жизнедеятельности. С целью определения источников и факторов ухудшения экологической обстановки и разработки обоснованной программы неотложных мер по стабилизации и снижению степени экологического неблагополучия на обследуемой территории, за основной критерий экологической безопасности можно принять критический уровень экологической безопасности, который будет включать в себя параметры оценивания изменения среды обитания и состояния здоровья населения, медико-демографические критерии состояния здоровья населения, критерии оценки среднегодового загрязнения атмосферного воздуха, критерии санитарно-гигиенической оценки эпидемической опасности питьевой воды и т.д. (КРИТЕРИИ оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия, 1992) В Российской Федерации не разработаны критические значения для определения уровня экологической безопасности в силу сложности определения их для каждого субъекта, так как каждый из них имеет разный потенциал, демографическую, транспортную нагрузку, объем производства и т.п.

5. В сфере криминологической безопасности: приоритет защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств; законность; комплексность охвата различных сфер криминологической безопасности; упреждающее влияние на причины и условия, способствующие преступным проявлениям, обуславливающие возникновение угроз преступных посягательств; адекватное реагирование на угрозы криминального посягательства на объекты криминологической безопасности; обеспечение эффективного функционирования государственной системы предупреждения преступлений; обеспечение непрерывного профилактического воздействия на субъектов

криминального и предкриминального поведения и образа жизни; обеспечение в борьбе с преступностью приоритета мер профилактики, предотвращения и пресечения преступных посягательств в целях недопущения самих преступлений либо наступления вредных последствий их совершения; взаимная ответственность граждан, общества и государства за состояние обеспечения криминологической безопасности взаимодействие всех структур при сочетании централизованного и децентрализованного управления силами и средствами обеспечения криминологической безопасности в соответствии с федеративным устройством России и распределением компетенции между Российской Федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления; интеграция с международными системами обеспечения криминологической безопасности; подконтрольность системы обеспечения криминологической безопасности государственным и общественным институтам (Плешаков, 2011, с. 75-79).

Каждое направление обеспечения комплексной безопасности региона может характеризоваться своим интегральным критерием, позволяющий оценить обеспеченность безопасности в той или иной сфере (рисунок 1).

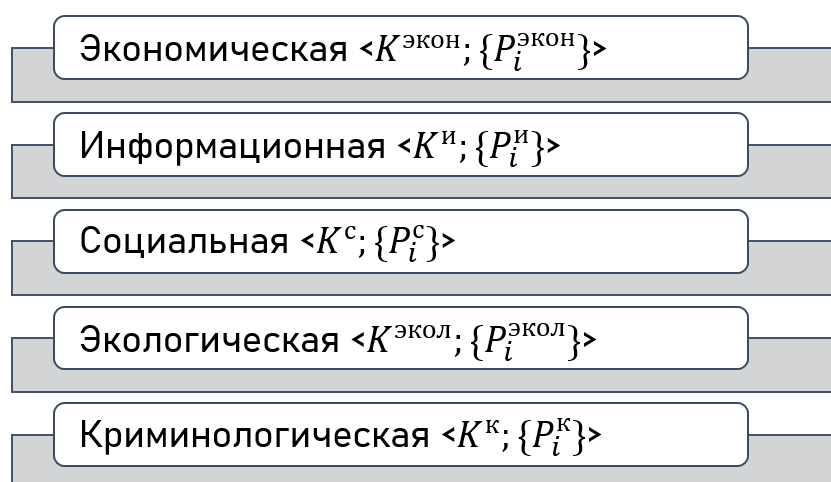

Рисунок 1. Различные сферы обеспечения комплексной безопасности

где K – критерий, отражающий оценку уровня безопасности по данному направлению; P – параметры, влияющий на оценку критерия.

Для обобщения всех имеющихся сведений об уровне безопасности региона необходимо разработать методологический аппарат, учитывающий специфические особенности рассматриваемой проблемы и позволяющий не только оценивать уровень того или иного аспекта, но и выявлять способы воздействия на ситуацию для поддержания необходимого уровня безопасности. Для каждого аспекта безопасности разрабатывается свой понятийный аппарат, своя сфера исследований, своя модель. При этом различные аспекты безопасности взаимно проникают друг в друга, взаимно влияют друг на друга. Как следствие для решения проблемы обеспечения комплексной безопасности необходимо объединить указанные разнородные подходы в единое целое, для

этого необходимо разработать методологические основы оценки и управления уровнем комплексной безопасности региона.

РАЗРАБОТКА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Первым шагом к унификации подходов для оценки различных направлений обеспечения комплексной безопасности является разработка инвариантной (относительно различных направлений обеспечения комплексной безопасности) онтологической модели, которая должна отражать взаимосвязи между различными понятиями предметной области и быть унифицированной схемой для любого направления. В инвариантной онтологической модели целесообразно использование стандартных элементов метамодели (объекты, отношения), которые при построении модели каждого из направлений обеспечения комплексной безопасности должны быть максимально полно и достоверно заменены понятиями рассматриваемого аспекта обеспечения безопасности, отражающими ключевые аспекты конкретной предметной области.

В результате анализа предметной области была построена инвариантная онтологическая модель, отражающая взаимосвязь основных понятий в области обеспечения комплексной безопасности региона (рисунок 2).

ЛПР – это лицо, принимающее решение. Под этим понятием будем понимать индивида или группу людей, которые реально осуществляют выбор и несут ответственность за принятые решения, направленные на защиту объектов в соответствии со своим уровнем полномочий. Например, это могут быть руководители предприятия, сотрудники природоохранных служб, совет по экономической безопасности и т.п.

Источники угроз – это совокупность условий и факторов, препятствующих реализации интересов региона, а также создающих опасность региональным ценностям и образу жизни. Источниками угроз могут быть: зарубежное государство (группа государств), группировки лиц, отдельные лица, процессы и явления в экономике, экологии, информационной сфере и т.д.

Стратегии обеспечения безопасности, которые вырабатывает ЛПР, имеют несколько методов, одним из которых является ликвидация источников угроз, которые в своем случае делятся по природе возникновения (техногенные, антропогенные); по характеру (по степени преднамеренности проявления) к ним относятся угрозы случайного действия и угрозы преднамеренного действия, при этом преднамеренные действия относятся к антропогенной природе возникновения; по отношению к объектам защиты, влияние может быть как внутреннее, так и внешнее, к внутреннему влиянию можно отнести воздействие человека на объекты защиты из числа рассматриваемой системы, к внешнему влиянию можно отнести воздействие посторонних лиц, регионов, государств. Стратегия обеспечения безопасности предусматривает выбор механизмов обеспечения безопасности, защитные меры, которые априорно задействованы для уменьшения уязвимостей объектов защиты.

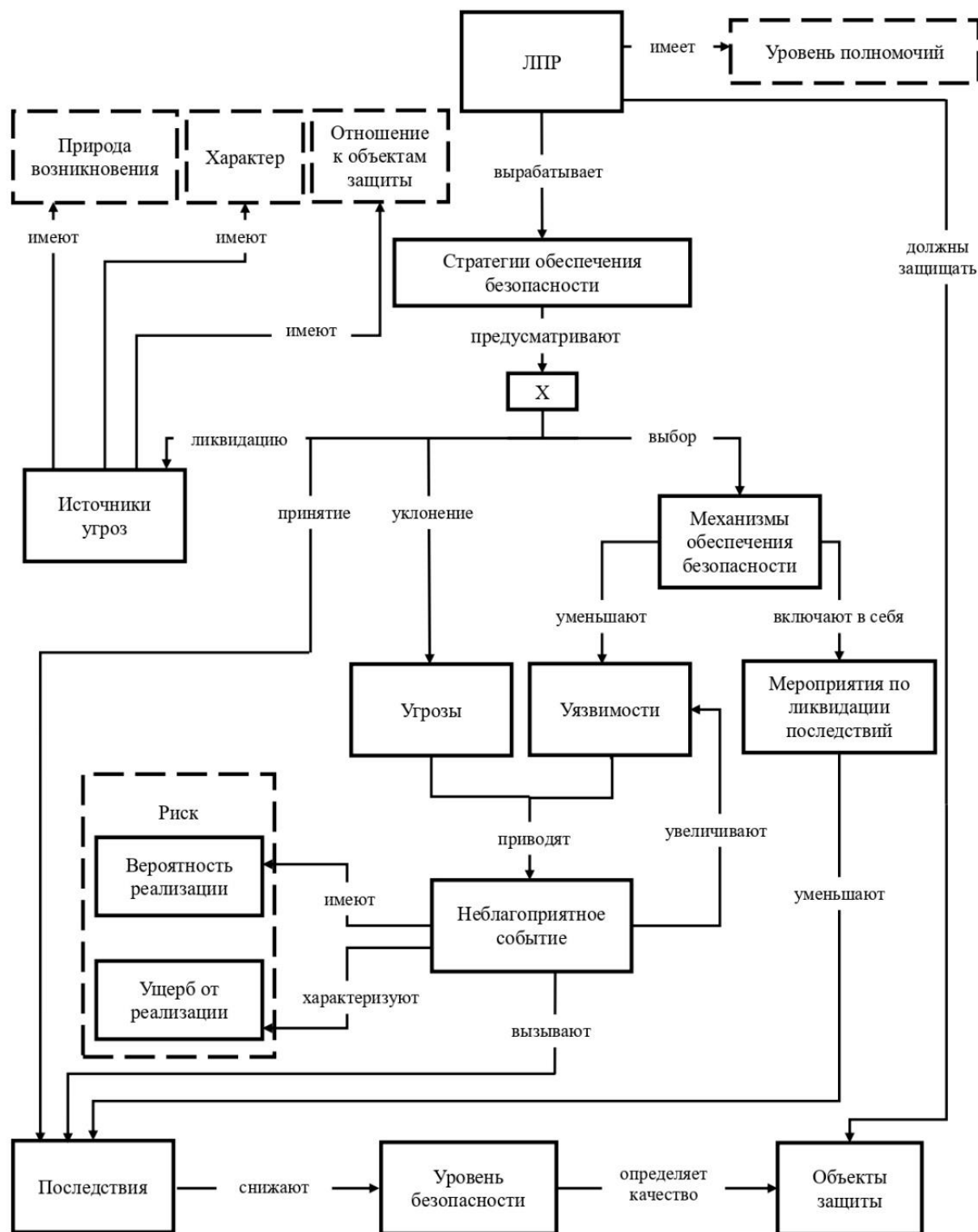

Рисунок 2. Онтологическая модель процесса обеспечения комплексной безопасности

Механизмы обеспечения безопасности включают в себя мероприятия по ликвидации последствий, которые в свою очередь направлены на уменьшение последствий. К таким мероприятиям можно отнести страхование – механизм компенсации ущерба владельцам, собственникам, полученного ими при осуществлении различных процессов, связанных с деятельностью объектов защиты. Например, формирование страхового рынка, который предполагает страховую защиту юридических и физических лиц в форме возмещения им ущерба при наступлении неблагоприятных явлений; страхование информационных рисков – способ защиты информации в рамках финансово-экономического обеспечения системы защиты информации, основанный на выдаче страховыми обществами гарантий субъектам информационных отношений по восполнению материального ущерба в случае реализации угроз информационной безопасности. Уклонение от угроз предполагает изменение плана защиты объекта таким образом, чтобы исключить угрозу, вызванную негативным риском, оградить от последствий риска или ослабить цели, находящиеся под угрозой (например, если сервер организации располагается в подвальном помещении, который потенциально подвержен угрозе затопления, то в случае перемещения сервера в другое помещение на этажи выше, ЛПР уклонится от угрозы, так как повлиять на погоду и выпадение осадков он не может, но он может изменить условия, тем самым избежав угрозы). Некоторых рисков, возникающих на ранних стадиях, можно избежать при помощи уточнения требований, получения информации, улучшения коммуникации или проведения экспертизы. При выборе стратегии уклонения ЛПР несут затраты до реализации неблагоприятного события, причем эти затраты меньше возможных последствий с учетом их вероятности. Стратегия принятия означает, что принято решение не изменять план защиты объекта в связи с риском либо нет иной подходящей стратегии реагирования на риски. Такая тактика уместна если вероятность риска слишком мала, либо эффект от риска чересчур велик и его влияние на систему в случае реализации ставит под вопрос ключевые цели защиты объекта. Эта стратегия используется в следующих ситуациях: когда исключить все риски маловероятно; вероятность риска и его последствия малы, его можно принять, поскольку стоимость разработки мероприятий по управлению риском превосходит стоимость последствий.

Уязвимость – это свойство, обратное устойчивости, характеризующее неспособность противостоять внешним воздействиям. Уязвимость объекта защиты зависит от повторяемости событий, защищенности объектов, подверженности территорий проявлениям опасных экологических, геологических процессов, социальных и информационных явлений, характера поведения людей и принимаемых управленческих решений. Угрозы и уязвимости в совокупности приводят к неблагоприятному событию.

Под неблагоприятным событием можно понимать техногенную катастрофу, атаку на информационный ресурс, теракт. При этом возникшее неблагоприятное событие запускает положительно-обратную связи в

совокупности с уязвимостями. При неблагоприятном событии уязвимости увеличиваются. В качестве примера можно привести ситуацию во время стихийного бедствия, в результате которого погибло много скота. В случае если туши не будут своевременно убраны, это может стать причиной распространения опасных инфекций, что приведет к еще большим последствиям.

Последствия реализации угроз снижают уровень безопасности, который определяет качество объектов защиты.

Построенная таким образом инвариантная (относительно различных направлений обеспечения комплексной безопасности) онтологическая модель позволяет с одной стороны унифицировать основные подходы и четко сформулировать цели и методы управления уровнем безопасности региона, с другой стороны при рассмотрении различных сфер обеспечения комплексной безопасности региона имеется возможность содержательного наполнения концептов разработанной модели смысловым контентом, отражающим специфические особенности того или иного направления обеспечения комплексной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема обеспечения безопасности является комплексной и ее решение должно носить системный характер. Основу этой деятельности составляют меры, направленные на снижение степени воздействия деструктивных условий и факторов на качество жизни жителей региона, обеспечение их демократических прав и свобод, существование и развитие экономической, социальной и духовной сфер жизни, эффективное функционирование систем жизнеобеспечения и управления. Взаимное влияние одних областей безопасности на другие приводит к сложным, нелинейным, динамически изменяемым связям в рассматриваемой системе обеспечения безопасности региона. Все это делает данную проблему трудноразрешимой уже на этапе формализации. Построенная инвариантная онтологическая схема дает возможность перейти к разработке унифицированных моделей по отдельным направлениям обеспечения безопасности, что в дальнейшем позволит объединить их в рамках общей модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Заплатинский, В.М. (2006) Терминология науки о безопасности. *Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie «Bezhecnostna veda a bezpecnostne vzdelanie»*. Liptovsky Mikulas: AOS v Liptovskom Mikulasi
- Концепция комплексной системы обеспечения безопасности жизнедеятельности населения (утв. МЧС России 16.02.2010, МВД России 19.02.2010, ФСБ России 16.03.2010)

- Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия, 1992. Получено из <https://docs.cntd.ru/document/901797511>
- Лагун, А.В., Строев, Н.Н. (2018). Формирование личного информационного иммунитета в условиях постоянного информационного воздействия. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*, 3 (67), 108-110.
- Плешаков, В.А. (2011). Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии. *Человек: преступление и наказание*, 2, 75-79.
- Рощупкина, А.А., Сидорина, Т.В. (2019). Система региональных показателей экономической безопасности. *Вестник евразийской науки*, 11 (3), 25.
- Сарайкин, Ю.В. (2010). Показатели и критерии оценки социальной безопасности региона: статистический аспект. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 19, 63-65.
- Халиуллина, Д.Н., Малыгина, С.Н. (2015). Основные аспекты комплексной безопасности региона. *Труды Кольского научного центра РАН*, 3 (29), 111-114.

Для цитирования: Ажмухамедов, И.М., Корякова, В.А. (2022). Инвариантная онтологическая модель процесса обеспечения комплексной безопасности прикаспийских регионов. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(2), 11-22.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_11

REFERENCES

- Zaplatinsky, V.M. (2006) Security Science Terminology. *Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie "Bezhecnostna veda a bezpecnostne vzdelanie."*. Liptovsky Mikulas: AOS v Liptovskom Mikulasi. (in Russian)
- The concept of an integrated system for ensuring the life safety of the population (approved by the Ministry of Emergency Situations of Russia on 02/16/2010, the Ministry of Internal Affairs of Russia on 02/19/2010, the FSB of Russia on 03/16/2010). (in Russian)
- Criteria for assessing the environmental situation of territories to identify zones of environmental emergency and zones of environmental disaster, 1992. Retrieved from <https://docs.cntd.ru/document/901797511> (in Russian)
- Lagun, A.V. & Stroeve, N.N. (2018). Formation of personal information immunity in conditions of constant information exposure. *Scientific notes of the St. Petersburg branch named after V.B. Bobkov of the Russian Customs Academy*, 3 (67), 108-110. (in Russian)

- Pleshakov, V.A. (2011). The theory of criminological security as a private theory of criminology. *Man: crime and punishment*, 2, 75-79. (in Russian)
- Roshchupkina, A.A. & Sidorina, T.V. (2019). System of regional indicators of economic security. *Bulletin of Eurasian Science*, 11 (3), 25. (in Russian)
- Saraikin, Yu.V. (2010). Indicators and criteria for assessing the social security of the region: statistical aspect. *Bulletin of Volzhsky University named after. V. N. Tatishcheva*, 19, 63-65. (in Russian)
- Khaliullina, D.N. & Malygina, S.N. (2015). Main aspects of comprehensive security of the region. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 3 (29), 111-114. (in Russian)

For citation: Azhmukhamedov, I.M. & Koryakova, V.A. (2022). Invariant Jntological Model of the Process of Ensuring Integrated Security of the Caspian Regions. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(2), 11-22.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_11

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON SOCIO-CULTURAL CHANGES IN THE IRANIAN FAMILY

Seyedeh Rezvaneh Mokhtari

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: mohtarISR@asu.edu.ru

ABSTRACT

The family in today's world is subject to change and transformation more than in the past. Sociological and cultural studies show that the change of societies has changed the nature of the family, and therefore it is not possible to talk about the family as an unchanging and static thing. In the last two decades, the family in Iran as a peripheral and influential society has changed under the influence of external and internal factors. The rapid and sometimes inevitable changes in many aspects of today's life due to factors such as globalization, the expansion of communication and information technology, and the networking of society have also exposed the family to change and transformation, and there is a significant change between the changes in the Iranian family and the family has created in global societies. The importance of this article is that the changes and transformations that have happened during globalization and modernity have left consequences through the world of information and communication; And it seems that in the country of Iran, cultural and social life has undergone more changes than other areas of life, and some social and cultural developments have opened the way for the emergence of social and cultural groups with different worldviews and different demands.

Of course, due to its cultural nature, this transformation leaves its mark in the family center more than anywhere else. Therefore, since any type of change in the society is rooted in the family, the main changes in the social system of Iran have either been realized through the family or its orientation has been focused on the family.

KEYWORDS

family; traditionalism; transformation; globalization; society; culture; cultural groups; communication.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИРАНСКОЙ СЕМЬЕ

Сейедех Резванех Мохтари

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Россия, Астрахань

E-mail: mohtarizr@asu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В современном мире семья подвержена изменениям и трансформациям больше, чем в прошлом. Социокультурные исследования показывают, что инновационное развитие обществ изменило природу семьи, и поэтому нельзя говорить о семье как о неизменной и статичной. За последние два десятилетия иранская семья под воздействием внешних и внутренних факторов существенно изменилась. Быстрые и неизбежные изменения во многих аспектах общественной жизни, вызванные такими факторами как глобализация, расширение коммуникационных и информационных технологий и сетевое взаимодействие общества, также оказали сильное влияние на трансформацию иранской семьи.

В статье проводится сравнительный анализ ценностных установок и нормативного поведения традиционной иранской семьи и семьи, созданной в глобальном социуме. Цель статьи – показать влияние информации и коммуникации на происходящие изменения в иранской семье. В итоге, выявлено, что культурная и социальная жизнь в Иране претерпела больше изменений, чем другие сферы жизни, открыв путь для формирования социальных и культурных групп с различным мировоззрением и требованиями.

Поскольку семья является центром иранского общества, то изменения, происходящие именно в семье, а затем распространяются на все общество, постепенно меняя социальные отношения. Таким образом, поскольку любые изменения в обществе начинаются с семьи, то и основные изменения в социальной системе Ирана либо осуществлялись через семью, либо их целью была семья как ячейка общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

семья; традиционность; трансформация; глобализация; социум; культура; культурные группы; коммуникация.

INTRODUCTION

The aim of the article is to look for answers to these questions that, considering the transfer of changes from Western and European societies to Iran, do Iranian families also experience the same processes of transformation and changes in the age of globalization as in Western and European countries are witnessing or have taken another path of these developments.

Research Methodology is the descriptive-analytical method. Also, what structural and functional changes has the contemporary Iranian family experienced in the process of globalization and what challenges and opportunities have been created for it? This article examines the cultural and social changes in the structure and function of the Iranian family with a cultural and pathological perspective due to globalization. Most studies regarding globalization have a negative and pathological attitude towards the family. In this research, it has been tried to explain culturally appropriate suggestions for empowering the family and it is not limited to pathological aspects. In the field of the effect of globalization and changes in the family, many researches have been conducted, and by reviewing these works, it can be said that the researches related to the changes in the family have generally moved in two directions: the first group of works that focused on the impact of a dimension of globalization on a part of family changes or a dimension of family change. And the second category has addressed the challenges faced by the family under the influence of globalization and modernity (Rezaei, Sarokhani, 2018).

LITERATURE REVIEW

In the course of its changes and transformations, the institution of the family has seen various forms. Today, it is believed that the Iranian family has undergone transformation and change in three forms: traditional, modern and post-modern. In the West and Europe, the more we advance, the more we see the signs of the traditional and extended family, and even modern families have faced challenges with the arrival of the signs of the postmodern family. But the situation in countries like Iran is a little different, and the way the family has changed in the West and Europe, it has changed differently in Iran (Rezaei and others, 2017). In the last few decades, globalization is one of the topics that have caused many discussions in cultural and academic forums and many interpretations have been presented (Smith, 1999). Globalization is an overarching concept that has been established to describe the intertwining and interconnectedness of human society on a global scale. David Held, Anthony McGraw and many theorists of globalization agree on the fact that the said phenomenon is a set of processes that cause changes in social and cultural relations (Jones, 2006). In the last decades of the 20th century, since cultural actions have global consequences and effects, culture has gained importance and theories related to it are revealed as one of the components of globalization (Zahedani, Kaveh, 2017). It seems that the extent of this transformability is visible in all structural-functional dimensions and angles of the family. Considering the accelerated changes observed in different societies in terms of industrialization,

transformation of population structure, expansion of urbanization, value changes, etc., the transformation of the family is no longer an issue exclusive to a particular society or societies (Good, 1963). On the other hand, the family is more affected by the current of changes in society than other social institutions (Armaki, 2007). With the passage of time and Iran's entry into a certain stage of development and considering the unwanted consequences of globalization, the need to pay attention to the situation of the Iranian family becomes more clear; Because we are witnessing the remaining of some norms of the traditional family model, which is inconsistent and incongruous with the new changes. After the occurrence and impact of these changes, damage and problems were created in the family and in the society after that, which is necessary to recognize the nature of the changes in the family, its dimensions and consequences in order to prevent or deal with them. Understanding the new society under the influence of the globalization process is meaningless (Labibi, 2014). On the other hand, globalization causes national cultures to be marginalized and left out. Therefore, every person in every society will witness that he loses the value of local and national cultures and tends to cultures that are intellectually, morally and spiritually the result of other cultures (Qolizadeh, 2012). In addition, the quality of relationships in families, affected by the process of globalization, is going down at a more or less rapid pace. Also, globalization, due to fundamental changes in communication, individualism, consumerism and the weakening of local cultures, has greatly affected the relationships between family members. So that in the field of communication and information technologies, people in the family institution are in a one-way relationship with technological industrial systems and tools such as the media, which they have no influence on (Navabinezhad, 2007). Therefore, the accelerated process of globalization strongly affects culture. In a world that is a product of globalization, humans interact with each other and can be aware of each other at any moment through satellite communications (Qolizadeh, 2012). According to the mentioned materials, we will examine some of the changes in the Iranian family in the course of globalization.

FAMILY STRUCTURAL CHANGES

One of the systems in which the interaction of people and relationships between them is formed is the institution of the family. In the family environment, people are bound to each other under the influence of mutual needs, communication patterns and a sense of loyalty. And the action of each person affects other family members. The presence of the media in general and satellite media in particular during globalization has had a very deep impact on the structure of the family and its culture, which we mention some of them: 1) Satellite media make the walls of the family more permeable and bring events into homes not only at the national level but also at the global level; 2) It is possible to communicate with the outside world in the family environment; 3) the arrangement of family furniture will be affected by satellite programs; 4) the architecture of houses changes due to the presence of new media; 5) instead of communicating with each other, humans communicate with the objects around them, and in fact, a

phenomenon called object dominance occurs; 6) the emotional atmosphere of the family decreases; 7) The habits of the family change, for example: the eating plan matches with the mass media and the type of food also changes and becomes simpler due to the use of the media more and more; 8) The difference in the media and what exists in real life causes conflict in the family; 9) Family values are distorted and as a result, dual personalities are formed (Enayat, Movahed, 2004). According to the mentioned materials, it is determined to what extent the members of a family can be effective in the systematic and systematic work flow of the family. It seems that paying attention to a communication perspective is useful for examining family relationships, because interaction is an integral part of communication and it is through a communication act that people initiate, define, maintain and end their social interactions. That is, the family has changed from extended to nuclear, and then to single-person and single-parent families, and finally, cohabitation without marriage and the proportion of babies born without a marriage contract, and even a sharp and unprecedented drop below the level Replacement is increasing (Ashrafi et al., 2019).

CHANGE IN ROLES AND FUNCTIONS

The meaning of the change in roles and functions is that, first, the traditional and old roles of men and women and children within the family have been changed; That is, male management and the role it has in determining the family's livelihood and economy have been removed from the monopoly of men, and with the entry of women into the field of work, this matter has changed deeply (Castells, 2001). When children reach working age, they are separated from the family environment and play their role in the society independently. This is despite the fact that in the past, having a child was considered to mean earning more money or defending the family in conflicts. In fact, it can be said that the institution of the family in general and in the social environment has lost its previous functions. In today's societies, due to the specialized division of labor, each person is responsible for a special economic function; The function of socializing children has almost been taken from the family and left to schools. Economic functions are also taken from the family; That is, the government, through welfare programs, social security, providing housing and health services, has taken away the power of maneuvering and developing the functions of the family. The protective function of the family has also been taken from the family and handed over to the government. Religion and religious education, which were once in the hands of the family, are now in charge of government institutions (Cohen, 1999).

CHANGE IN LIFESTYLE

In today's world, not only the old and traditional lifestyle has put the family in a tight spot and even brought it close to collapse, but it has also made both the individual and the family face a variety of styles. On the other hand, women's employment is accepted in modern societies. Gradually, in the last 50 years, due to the increase in

education and social skills of Iranian women, their employment in the society has also been on an upward trend. Self-belief, conscious living, self-restraint, self-responsibility, sufficient self-confidence, self-affirmation, purposefulness and honesty are also among the elements that are seen more often in working women (Shahabi, Jahangardi, 2008). Women's employment outside the home is one of the social phenomena of interest in the sociology of the family, which, although it may indicate the social progress of women, but because it deals with the support and care functions of mothers and the performance of marital duties, it has been considered. and its consequences are carefully evaluated and investigated (Ezazi, 2008). Along with the transformation in the construction and functions of the family and the action to speed up this transformation, the women's base is also changing. Industry and urbanization allow women to find a job outside the home, and on the other hand, the urban environment helps her freedom before and after marriage; In the family consumption unit, he has a part of the budget or at least what is related to daily consumption, and he has a lot of freedom in the care and education of his children (Masoudi, 2009).

DEMOGRAPHIC CHANGES

In contemporary society, globalization directly and indirectly affects family life through strategies and programs created by economic and social policies (Labibi, 2014). Perhaps no factor is affected by population changes as much as the family, in such a way that with the gradual changes in the population, the institution of the family also changes. Accordingly, the family, which is a social institution, has experienced changes under the influence of the globalization process, which has put it in conflict with the traditional family, and in the process of globalization, it has experienced increasing contradictions (Rezaei and others, 2017). On the one hand, there is the necessity of women's economic participation in the family, and on the other hand, the desire to be a mother and have children, which are in conflict with each other (Turner, 2002). In the meantime, the widespread presence of working women in social life, the change and degradation of the position of marriage in its traditional form and the emergence of a phenomenon called "marriage delay", the replacement of acquired roles instead of assigned roles for women in the cultural space, and the reduction of childbearing and desire Being an only child is one of the consequences of changing roles in the age of globalization (Giddens, 2003). Compared to other social institutions, the Iranian family has undergone more fundamental changes. Statistical, social and cultural evidence showing the increase in marriage age, decrease in fertility, increase in expectations from life, etc., all indicate a change in the family (Labibi, 2014). Change from extended to nuclear family, independence of young people in choosing a spouse, marriage at an advanced age, widespread celibacy, change of natural fertility to controlled procreation and change in the number of children, etc., considering the influence of different groups on the effects of globalization of these changes has made it asynchronous and asynchronous. Compared to other countries, Iran has different demographic conditions, even at provincial levels within the country, different demographic levels and trends can be observed. The fertility

of the country has decreased below the replacement level and this issue has a completely different situation among the provinces. The age of marriage and having children has increased and the rate of divorce is also increasing. However, marriage is still very common and extramarital relationships and domestic partners do not exist at a high level. The only thing that has happened less in Iran compared to other changes is the existence of families formed through "white marriage" and out-of-wedlock fertility. In this regard, we must point out the role of the cultural, political and economic conditions of each country in the pattern of changes that are taking place at the world level, that in each country, the changes are influenced by the values and norms of that country (Rezaei and others, 2017).

GENDER INTERACTIONS AND SEXUAL DESIRES

The Tsunami of Globalization, only a few decades, needed time to bring the consequences of family changes on a global scale to Iran as well. The changes in the family have caused the phenomena that were not so objective and obvious before, to become a social problem today. One of these phenomena is interactions and sexuality in a modern way. The need for sex has been one of the most important human topics since long ago, and it has influenced the behavior of the human mind in all periods of history, but what is worth noting is the transformation of the attitude towards sex in recent years. In the words of thinkers such as Giddens: Today, the family is witnessing the emergence of new models of marriage, family and type of sexual relations that are expanding and becoming global. (Giddens: 2003) In the young society of Iran, every year a large number of people reach the age of marriage, but due to various reasons, including continuing education and economic problems, their marriages are delayed, but this does not make their desire for the opposite sex subside slow what has turned boy-girl friendship into a social issue in Iranian society today is the conflict between religious and traditional attitudes on the one hand, and new attitudes on the other. The first attitude calls for gender boundaries and compliance with the rules and regulations related to sexual interactions and tries to limit the relations between the two sexes before marriage. But the second attitude, which is the result of contact with other cultures, especially Western and European cultures and the like, does not show these sensitivities. This type of attitude is usually promoted, spread and strengthened through new media such as the Internet, satellite, etc. directly and indirectly. The spread of these social behaviors can lead to a value transformation in the society and the accepted relationship between the two sexes in the Iranian society and threaten the family and marriage system (Nouri, Del Avar, 2012).

THE POSITIVE ASPECTS OF GLOBALIZATION

It is obvious that today's world is the world of communication, and in this context, the use of the Internet increases the speed and ease of information exchange in the fields of science, education, entertainment, and news. As mentioned above, the Internet has its

advantages and disadvantages, while identifying its disadvantages, measures should also be taken to reduce its threats and somehow turn it into an opportunity. Some of the positive functions of the Internet are: Obtaining necessary information in all scientific, cultural, political, sports, social and economic fields; using distance learning as well as participating in scientific meetings; direct conversations and discussions live in the form of a conversation; having personal mailboxes and ease of sending and receiving letters at any time and place; games and scientific and intellectual entertainment. Accepting the fact that the Internet is just a means of communication that causes speed and ease of work in transferring data, helps us to make an extra effort in using this technology as much as possible in line with our goals (Jarahi, 2016). Therefore, globalization has challenged not only the functions of the family, but also its essence and integrity. In addition, the formation of single-parent families, childless families, non-traditional contractual marriages and the coexistence of same-sex couples, both men and women, etc., have in some way led to the breakdown of the traditional family system and reduced the reproduction process. have given. In any case, parallel to the broad wave of industrialization and the growth of modern life manifestations, traditional societies have undergone major changes and transformations in the field of basic elements of culture and cannot escape from globalization (White, 2001). Finally, in Iran, unlike in the West, the family is still important and the extended and traditional family continues to exist alongside other forms of family (Rezaei and others, 2017).

CONCLUSION

Family, as the most important social institution, is formed by a group of people who are related to each other through blood, marriage or adoption and live together for an unspecified period of time. This social institution throughout the history, it has always played a vital role for the growth, development and socialization of human kind, and while being influential, it has a certain impact on the conditions of the society. In fact, the family lives in the heart of the society, and for this reason, it is deeply connected and affected by the changes and developments of the society; A society that moves towards becoming a global society. The most important and greatest impact of social changes on the "family" has been in the so-called "globalization" period. Globalization has completely transformed the structure and function of the family and introduced a new model of the family that is completely different from the family in the past. During the last two centuries, the Iranian family has undergone fundamental changes during the cultural, social and political modernization of the country. The expansion of different forms of family has caused people to experience more transitions in the family during different periods of their lives compared to the previous generation. Divorce, remarriage, relationships with stepfathers and stepmothers, adoption, reduction of childbearing, changing attitudes towards sexual relations, the spread of satellites, media, etc., all of which are accompanied by intense emotional burdens, have created problems for families. The point that can be mentioned about the developments of the Iranian family is that the changes of the family in Iran are reflected in daily life, and among them, the

interventions of religion and the government are also effective, and psychologists, experts in educational sciences, historians and sociologists are also have paid attention to it; The result of which was the reform of the conceptual system in identifying Iran's social developments. It should also be acknowledged that the rate of transformation of society and family varies from culture to culture. Although the changes and transformations in the Iranian family have taken place under the influence of globalization, it should also be noted that these changes, while sharing features with families in other parts of the world, have their own characteristics under the influence of economic, cultural, natural, and social conditions. and political; Therefore, policies in the field of family, considering the opportunities and threats caused by globalization, require an understanding of the differences between different cultures and societies, and the same reaction within each country and for different cultures is not effective. It seems that opportunities and threats are so intertwined that one problem can be considered as both an opportunity and a threat. In fact, threats can be turned into opportunities by identifying and seeing correctly and logically. If we lag behind the acceleration of "globalization", even opportunities will be lost and this will be the most serious threat. Therefore, in order to be able to protect all aspects of society, especially social, cultural and related systems such as the family system, from the damage caused by globalization, it is necessary to design and spread a favorable and efficient model.

REFERENCES

- Ashrafi, Z. & Qayumi, A.A. (2019). Ameri Shahabi, Mohsen. Investigating the impact of cultural globalization in creating structural and functional changes in the family institution (case study: working women in the 7th district municipality of Tehran). *International Journal of Nations Research*, 42, 107-121. (In Persian)
- Azad Armaki, T. (2007). *Iranian family sociology*. Tehran: Samt. (In Persian)
- Castells, M. (2001). *Information age: economy, society and culture*, translator: Ali Paya and Mohsen Chavoshian, 1. Tehran: New Design Publications. (In Persian)
- Enayat, H. & Movahed, M. (2004). Women and structural changes of society in the age of globalization. *Scientific-research quarterly journal of women in development and politics*, 2, 2, 153-166. (In Persian)
- Ezazi, S. (2008). *Sociology of the family with emphasis on the role, structure and function of the family in the contemporary era*. Tehran: Roshangaran Publications and Women's Studies. (In Persian)
- Giddens, A. (2003). *Sociology*. Translated by Manuchehr Sabouri. Tehran: Ney. (In Persian)
- Good, W.J. (1963). *Worlds revolution and family patterns*. New York: Free press.
- Jarahi, A. (2016). Globalization of culture and challenges facing family and women in Iran. *World Challenges Quarterly*, 1, 1, 122-97. (In Persian)
- Jones, A. (2006). *Dictionary of Globalization (Definition of Globalization)*. Cambridge: Polity Press.

- Khajeh N., Bizhan, D.A. & Al-Sadat M. (2012). Factors affecting the friendship between boys and girls among the youth of Shiraz city with an emphasis on the process of globalization. *Applied Sociology Scientific Research Quarterly*, 2, 41-64.
- Koen, B. (1999). *An introduction to sociology, translated by Mohsen Salasi. Ed.7.* Tehran: Tutia Publishing. (In Persian)
- Labibi, M.M. (2014). *Family in the 21st century.* Tehran: Elm. (In Persian)
- Masoudi, O.A. (2009). Television channels as an effective factor on public culture. *Scientific-research quarterly of communication culture studies*, 7, 173-206. (In Persian)
- Mir Mohammad, R., Seyede Z., Sarokhani, B. & Saraei, H. (2017). Globalization and demographic changes of the Iranian family. *Scientific Research Quarterly Journal of Women and Family Studies*, 35, 119-154. (In Persian)
- Mir Mohammad, R., Seyede Z. & Sarokhani, B. (2018). The role of globalization in the changes of the Iranian family in the last two decades. *Scientific Research Quarterly: Educational Culture of Women and Family*, 13, 44, 131-164. (In Persian)
- Navabinezhad, S. (2007). *Globalization and changes in family values. Proceedings of the International Congress on Family and Globalization.* Publications of the Parents and Teachers Association. (In Persian)
- Qolizadeh, A. (2012). *Cultural sociology.* Isfahan: Islamic Azad University Publications, Khorasgan branch. (In Persian)
- Shahabi, M. & Jahangardi, M. (2008). Social dating of the use of Persian language satellite TV among the audience. *Scientific-research quarterly of cultural studies*, 2, 23-55. (In Persian)
- Shekarbeigi, A. (2011). *Modernism and social capital. Family: An Introduction to Family Sociology in Iran.* Tehran: Sociologists. (In Persian)
- Smith, L (1999). *Globalization and Education.* Kluwer Academic Publishers.
- Turner, B. (2002). *Orientalism, Postmodernism and Globalization.* Translator: Gh.R. Kiani & M.R. Tajik. Tehran: Center for Strategic Studies, (In Persian).
- White, B. (2001). *World politics issues.* Translated by Seyed Mohammad Kamal Sarvarian. Tehran: Strategic Studies Research Institute. (In Persian)
- Zahed, Z., Seyed, S. & Kaveh, M. (2017). Pathology of family changes with emphasis on the role of cultural globalization on gender interactions and sexuality. *Scientific-specialized quarterly magazine of crime prevention approach*, 2, 147-174. (In Persian)

Для цитирования: Сейедех Резванех Мохтари. (2022). Влияние глобализации на социокультурные изменения в иранской семье. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(2), 23-33.

For citation: Seyedeh Rezvaneh Mokhtari. (2022). The Impact of Globalization on Socio-Cultural Changes in the Iranian Family. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(2), 23-33.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_23

STEREOTYPES OF SOCIAL GROUPS OF THE POPULATION OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN RELATION TO RUSSIA AND ITS INHABITANTS

Alexey N. Leukhin

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: leuhin_1242@mail.ru

Elena M. Malinkina

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: malinkina.e.m@bk.ru

Inna V. Logunova

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: herzog7767@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the stereotypical attitudes of Iranian residents towards Russia and its inhabitants from the standpoint of P. Bourdieu's theory of social space. In the course of the research, the content analysis method and the method of R. Merton quadrants were used. The results of the study suggest a significant potential for cooperation between Russia and Iran, which, despite the differences in the mentality and culture of Russian and Iranian backgammon, has many points of contact, including at the fundamental, spiritual and ontological level.

KEYWORDS

socio-cultural space; habitus; stereotypical attitudes; quadrant.

СТЕРЕОТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН ОТНОСИТЕЛЬНО РОССИИ И ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ

Леухин Алексей Николаевич

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
Email: leuhin_1242@mail.ru

Малинкина Елена Михайловна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
Email: malinkina.e.m@bk.ru

Логунова Инна Вячеславовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Россия, Астрахань
Email: herzog7767@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются стереотипные установки жителей Ирана по отношению к России и ее жителям с позиций теории социального пространства П. Бурдьё. В процессе исследования использованы метод контент-анализа, а также метод квадрантов Р. Мертона. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о значительном потенциале сотрудничества между Россией и Ираном, который, несмотря на различия в менталитете и культуре российского и иранского народов, имеет много точек соприкосновения, в т.ч. на фундаментальном, духовно-онтологическом уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социально-культурное пространство; габитус; стереотипные установки; квадрант.

Исламская Республика Иран (ИРИ) – это самодостаточное государство-цивилизация с богатой культурой и древней историей. Иран является крупной региональной державой и наиболее технологически развитым государством Передней Азии. ИРИ – теократическое шиитское государство, под руководством Рахбара – Высшего руководителя, Великого аятоллы (вали-е-факих) Али Хаменеи. Руководителем исполнительной власти является президент – Ибрахим Раиси. Страна занимает 17 место в мире по площади и превосходит по своим размерам страны Западной Европы.

Государство-цивилизация Ирана напоминает богатый персидский ковер, где каждый узор представлен определенным этносом и конфессией (например, более 25 тыс. иранцев – зороастрийцы-гебры). В цивилизационную орбиту Ирана издревле было включено множество народов, имеющих как иранское (персы, курды, луры, белуджи – около 79%), так и тюркское (16%; по некоторым данным до 40%), а также арабское (2%), армянское и еврейское (1%) происхождение. Иранская фарсоязычная и шиитская нация является очень большой патриотической силой, и имеет гораздо более серьезные маркеры самоидентификации, чем кровное родство с конкретными этноконфессиональными группами. Более половины азербайджанцев считает себя скорее ираноязычной, чем тюркоязычной нацией. Вместе с тем, усиление Турции как центра пантюркизма, и влияние этой идеологии на иранских азербайджанцев, рост курдского национализма, создает угрозу стабильности государственного устройства Исламской Республики, которое, тем не менее, не так просто подорвать, несмотря на все старания атлантистских элит стран Запада.

Иранцы живут как бы в трех временных реальностях – по: солнечному персидскому календарю (1401 г. / 30 дней), лунному суннитскому календарю – хиджра (1443 г. / 29-30 дней, и европейскому григорианскому календарю (2022 г. / 28-31 день), что обеспечивает в онтологическом плане высокую устойчивость иранского общества к самым различным угрозам, исходящих со стороны недружественных государств, стремящихся изолировать ИРИ на международной арене, задуть жесточайшими экономическими санкциями.

Иран как государство-цивилизация имеет свой уникальный хронотоп, свое психическое пространство, свои гетеротопии. Архитектоника социально-культурного пространства Ирана может быть выражена в терминологии Пьера Бурдьё в виде подпространств-габитусов, которые в некой заданной системе координат формируют среди представителей разных социальных групп конкретного культурно-исторического типа устойчивые представления (алгоритмы, «фреймы»), в т.ч. стереотипные установки.

В системе координат социально-культурного пространства следует выделить три базовых габитуса: «Власть – Бизнес – Общество».

Стереотипные установки трех базовых подпространств / габитусов могут быть оценены нами с помощью квадрантов Роберта Мертона по следующим параметрам: очень положительно – ОП (+ 2 б.), скорее отрицательно, чем

положительно – СОП (- 1 б.), скорее положительно, чем отрицательно – СПО (+ 1 б.), очень отрицательно – ООТ (- 2 б.).

В основу этой оценки должны быть положены результаты контент-анализа информационной среды современного иранского общества, фиксирующего основные этапы становления российско-иранских отношений.

В рамках нашего исследования данный вид анализа убедительно показал неоднородность национальных стереотипов иранцев по отношению к России и россиянам. Эти различия зависят от множества факторов: возраста, национальной принадлежности, социального положения, уровня образования. Различные комбинации перечисленных факторов формируют несколько базовых стереотипов, которые могут сильно отличаться друг от друга в зависимости от принадлежности к конкретной социальной группе, клану или политическому течению («реформаторы», «умеренные», «консерваторы»).

Первый базисный стереотип (подпространство/габитус – «Общество») включает в себя несколько типов стереотипных установок.

Первый тип – «Исторический» (2013 г. / -1; 2022 г. / -1) закладывается в современного иранца в молодые годы в ходе его обучения в общеобразовательной школе и предполагает применительно к России одностороннее и часто неверное освещение исторических событий в школьных учебниках. Среди современных иранцев сложился в целом негативный образ России. Наша страна представляется опасным и коварным соседом, который только и ожидает удобного случая, чтобы захватить иранскую территорию (Зотова, 2021). Активизация и укрепление международного сотрудничества между нашими странами требует пересмотра этих предвзятых представлений, формирования в иранском обществе позитивного имиджа России в исторической ретроспективе.

Второй тип – «Бытовой» (2013 г. / +1; 2022 г. / +1) более сдержан в оценках и ограничивается набором распространенных в иранском обществе стереотипов:

- в России очень холодно (практически все иранцы ассоциируют Россию со снегом, морозом и зимой круглый год).
- в России пьют много спиртного (по мнению иранцев спиртное – единственное спасение от «вечной мерзлоты» в России).
- россияне, как, впрочем, и все европейцы, грубы в общении – проявляют неприязнь на людях, решают свои проблемы на высоких тонах.
- россияне – прекрасные воины, знающие толк в военном деле (иранцам известен пример храбрости 493 русских солдат под командованием полковника Карягина, давших в 1805 г. отпор могущественной 20 тыс. персидской армии).
- в России живут самые красивые девушки в мире (иранцы считают эталоном красоты голубые глаза, русые волосы и светлый цвет кожи) (نخبگان بین المللی, web, 2022).

Все, кто когда-либо сталкивался с «русскими», а также жители северных провинций Ирана имеют довольно хорошее мнение о России и россиянах. Например, они считают, что российский менталитет по сравнению с другими

европейскими народами гораздо ближе к культурным кодам иранцев, во всяком случае, для них – «мы менее плохие, чем англичане» (Зотова, 2021). И это притом, что история российско-персидских отношений насчитывает несколько кровопролитных конфликтов – только в XVIII-XIX вв. наши страны вели четыре войны.

Наиболее информированными о России и ее жителях являются представители третьего типа – «Информированного» (2013 г. / +1; 2022 г. / +1), который характерен для специалистов по России, а также для молодежи (студентов) – потенциальных «эмигрантов», выходцев из интеллигентных семей (опять же из северных и частично – центральных регионов Ирана). Эта социальная группа, как уже было отмечено выше, имеет, пожалуй, самые глубокие познания о России. К сожалению, и здесь бытует достаточно много стереотипных установок. Рассмотрим эти стереотипы более подробно:

- холодный климат повлиял на характер россиян, которые в общении с людьми также холодны и отстраненны;
- все россияне – очень суеверные люди, причем в своем суеверии они доходят до фанатизма, досконально следуя сложившимся обычаям и предубеждениям;
- россияне улыбаются только членам семьи, друзьям, коллегам: в общественных местах (в метро, в магазинах и др.) улыбаться ни в коем случае нельзя; смех в общественных местах – это признак глупости и невежества;
- россияне никогда не используют улицу, чтобы позвонить – даже членам семьи;
- если россияне приглашают домой на обед или чай, полагается в обязательном порядке принести цветы хозяину дома – причем не важно, женщина это или мужчина;
- россияне начинают знакомство только с «крепкого» рукопожатия, которое настолько крепко, что его называют «костоломным» рукопожатием;
- большинство домов россиян украшены дорогими персидскими коврами;
- низкая рождаемость в России связана с тем, что семьи в России ютятся в маленьких квартирах со своими родителями;
- в целом, все российские семьи имеют высокий уровень сплоченности друг с другом;
- к обязательным столовым приборам относят нож и вилку, которыми россияне пользуются всегда во время приема пищи;
- в случае совместного обеда с друзьями или знакомыми, инициатор должен оплатить счет; те, кто хочет скинуться в «общий котел», проявляет неуважение;
- самые популярные салаты России – это салаты из оливок; излюбленным блюдом на завтрак – бараньи головы¹.

¹ Один вечер в Исфахане. Получено из <https://tursputnik.com/2016/11/odin-vecher-v-isfahane.html>

Четвертый тип – «Информационный» (2013 г. / -1; 2022 г. / +1): в последние годы образ России в Иране стал меняться в лучшую сторону: национальное телевидение ИРИ² постоянно делает акцент, что Россия – мощная держава, большой друг страны. Президент России В.В. Путин – союзник Ирана, политик международного уровня.

Вместе с тем в запрещенных в ИРИ оппозиционных СМИ, вещающих на фарси из-за границы, образ России представлен в самом черном свете. Они сознательно нагнетают страх перед Россией – страной, которую, как они считают, следует опасаться (Зотова, 2021).

Второй базисный стереотип (подпространство/габитус – «Бизнес») включает в себя «Командную» (2013 г. / +1; 2022 г. / +2) стереотипную установку. Иранцы всегда хотели выйти на российский рынок, но долгое время опасались работать на нем, поскольку имели недостаточно профессиональной информации о России.

Они до сих пор плохо разбираются в российском экономическом законодательстве, в правилах рыночного администрирования. Испытывают трудности, связанные с незнанием языка. Иранцы в большинстве своем мало что понимают в общественной культуре и индивидуальных особенностях россиян и потому при общении не знают, как нужно вступать с ними в переговоры и осуществлять экономическое сотрудничество.

До определенного момента иранский бизнес не испытывал желания вкладывать инвестиции или заключать торговые сделки с российской стороной (Тишьяр, 2015). Однако, когда в 2015 г. бизнесу была дана «команда» работать в России, процесс пошел. 2021 год стал переломным: рост товарооборота между ИРИ и РФ вырос на 81% и достиг почти 4 млрд долл. И это далеко не предел: по мнению иранских экспертов, увеличение товарооборота Ирана с Россией возможно – до 200 млрд. долл. (Зотова, 2021).

Третий базисный стереотип (подпространство/габитус – «Власть») и связанная с ним «Идеологическая» (2013 г. / +1; 2022 г. / +1) стереотипная установка сформированы политическими течениями – «реформаторов», «умеренных» и «консерваторов», отношение которых к России можно трактовать как (в целом) «благожелательное». Вместе с тем только «консерваторы» видят в нашей стране не просто экономического партнера, а прежде всего – стратегического союзника. Неслучайно наиболее активное взаимодействие наших стран в военно-стратегической и экономической сферах было достигнуто в период президентства «консервативных» и «умеренных» политиков: Махмуда Ахмадинежада (2005-2013 гг.) и Хасана Рухани (2013-2021 гг.). Большие надежды на продолжение сотрудничества возлагаются на президента ИРИ – Ибрахима Раиси, вступившего в должность в августе 2021 г. (Полищук, 2018).

Курс на «консерватизм» будет по-видимому проводиться и дальше, поскольку очевидными претендентами на власть в стране в недалекой перспективе будут являться или сын Высшего руководителя Ирана Али Хаменеи – Моджтаба Хаменеи, или любимый внук лидера исламской революции Рухоллы Хомейни –

² Телерадиокомпания «Голос ИРИ» имеет более 20 общенациональных и международных телеканалов.

Али, ставший, по мнению экспертов, неофициальным лидером «консервативного» крыла правящего класса. Большой авторитет имеет его старший брат – Хасан Хомейни, который в свою очередь выступает неофициальным лидером «реформаторского» крыла политической системы Ирана (Федоров, 2022).

Учитывая некоторое ухудшение позиций «реформаторов», и, как следствие, усиление позиций «консерваторов» и «умеренных» в современной политической жизни ИРИ, можно говорить о последовательном и неизбежно более тесном сближении России и Ирана. Совпадение позиций двух стран против американской гегемонии в мире закладывают основы формирования между Ираном и Россией нового стратегического альянса. Расширение российско-иранских контактов должно иметь цель формирование привлекательного имиджа России среди населения Исламской Республики.

К сожалению, общественные и дипломатические организации долгое время не прилагали больших усилий для улучшения имиджа России в Иране, в частности:

- Минимизировано государственное вещание России на персидском языке.
- Книги российских авторов переводятся на персидский язык за счет иранской стороны.
- О русскоговорящей диаспоре в Иране, как элементе мягкой силы, практически не вспоминают (Тишьяр, 2015; Полищук, 2018).
- Россия только в 2021 г. заявила о своих планах открыть в ИРИ – Российский культурно-информационный центр³.

Работа по сближению внешнеполитических интересов Ирана и России активизируется не только по дипломатическим каналам.

Властные элиты наконец-то начинают осознавать, что долгосрочное стратегическое сотрудничество между нашими странами в условиях нарастания геополитического противостояния сложившихся мир-систем и центров силы требует максимально полного доверия, которое может быть достигнуто не только в имиджевой сфере, но и на фундаментальном, духовно-мировоззренческом уровне.

Большую роль здесь играет Русская Православная Церковь, которая с 1997 г. при содействии Правительств РФ и ИРИ ведет активный диалог с шиитским духовенством Ирана, имеющим в этой стране всю полноту власти. Шиитские религиозные организации пытаются найти общие точки соприкосновения с интеллектуальными нарративами современной России в различных сферах – богословии, религиозной философии, патриотической публицистике.

Одна из задач таких контактов – преодоление стереотипа относительно россиян как нации богоотступников. Главная задача – наметить контуры союза между духовными идеологиями / политиками⁴ Православия и Шиизма для решения первоочередных геополитических задач России и Ирана как государств-цивилизаций в их противоборстве с коллективным Западом.

³ Россия и Иран подписали соглашение о создании информационно-культурных центров. Получено из <https://n.ass.ru/politika/11130905>

⁴ В Иране – духовная политика является государственной; даже президент Ирана – является, как правило, духовным лицом.

По мнению лидера неоевразийства, философа А.Г. Дугина, маркерами такого сближения выступают несколько базовых установок, религиозных идей, которые сегодня проявляются особенно остро в геополитическом смысле:

- Шиизм и Православие можно одинаково рассматривать как «религии печали», чем «религии радости»; они пропитаны идеями мученичества, траура (по страданиям Христа; по убийству Имама Хусейна).
- Эти религиозные системы являют собой эсхатологические «концепции ожидания» (Имама Махди; Иисуса Христа), в которых большое внимание уделяется внутреннему духовному сосредоточению, мистицизму, которые очень свойственны как россиянам, так и иранцам.
- Шиизм и Православие рассматривают духовное общение как приближение к совершенному человеку – Имамам, подвижникам; Святым, Христу.
- И как следствие – возможность эсхатологического союза между христианами и шиитами в борьбе с Даджалем (Антихристом), которая ознаменуется торжеством Духа – победой сил Света над Тьмой (Кербелаи, 2016).

Не случайно во время выступления в Государственной Думе РФ, президент ИРИ Ибрахим Раиси посчитал важным отметить, что исламский мир уважает Иисуса Христа и его мать Марию (Чесноков, 2022).

Позиция политических элит Ирана формировалась не один день и в целом следует в фарватере инициатив, выдвинутых на исторической встрече Патриарха Кирилла с аятоллой Мухаммадом Али Тасхири – Генеральным секретарем Всемирной организации по сближению мазхабов в 2012 г. Во время дружеского общения с иранским иерархом Патриарх отметил, что каждая из сторон «остаётся преданной своему вероучению, (однако выстроенный) диалог показал общность подходов по вопросам традиционных ценностей в жизни народа и общества». Эти контакты продолжаются до сих пор. Их результатом является проведение регулярной совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Православие – Ислам», в рамках которой было обнаружено «совпадение взглядов ... как в современной политической повестке дня, так по духовным и нравственным вопросам»⁵.

Следует отметить, что специальная военная операция на Украине подтвердила правильность курса на сближение духовных идеологий в многонациональном государстве, но уже с точки зрения суфийского ислама. По словам, командира спецотряда «Ахмат» Апти Алаудинова спецоперация может рассматриваться в духовном смысле как война армии пророка Исы «в битве против дьявола – Антихриста..., сатанистов» (Кошеленко, 2022).

Итак, полученные в оценочных квадрантах данные сведём в таблицы и рассчитаем значения по выделенным показателям (см. рисунок).

⁵ Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с послом Ирана в России. Получено из <https://www.sedmitza.ru/patriarch/2022-04-12/10111498.html>

Эти значения отражают взаимосвязи изучаемых параметров в каждом квадранте и могут быть представлены в пространственной системе координат (x, y, z) в целях визуализации положительной динамики изменения российско-иранских отношений.

Выделение базовых стереотипов иранского общества относительно России и ее жителей позволили нам выявить особенности восприятия национальных черт россиян в глазах иранцев, а также определить контуры развития российско-иранского сотрудничества на перспективу в целях преодоления отрицательных стереотипов.

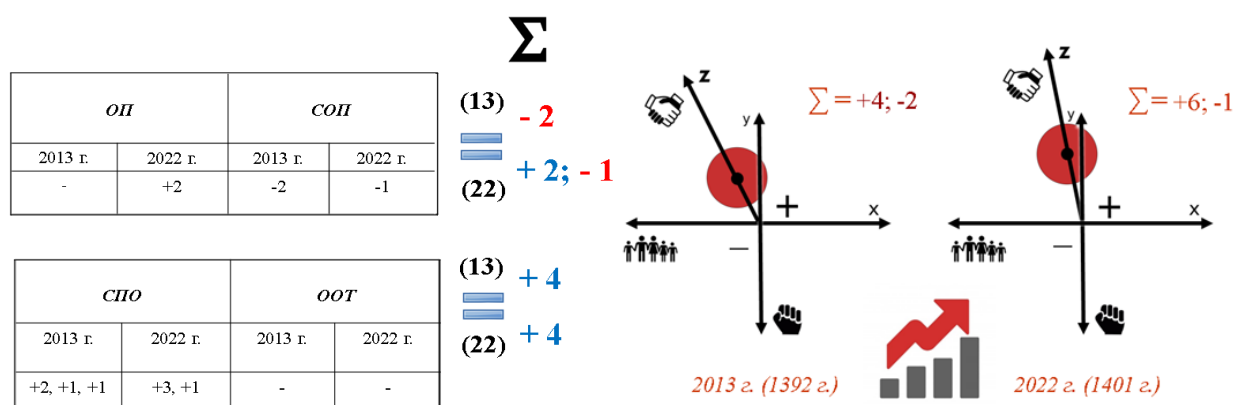

Рисунок 1. Динамика изменения российско-иранских отношений в 2013-2022 гг.⁶

Следует отметить, что иранское общество настроено к России и в целом к россиянам достаточно доброжелательно, что свидетельствует о положительном потенциале развития российско-иранских взаимоотношений. Вместе с тем эти отношения, и это наглядно показывает ситуация на Украине, могут измениться в худшую сторону в случае прихода к власти в ИРИ прозападно настроенных сил, которые способны спровоцировать хаос⁷ и распад этого государства с последующей дестабилизацией социально-политической ситуации во всем Каспийском регионе, или, в рамках другого сценария, сохранить единство Ирана, но использовать его в качестве орудия против России.

Чтобы предотвратить этот негативный сценарий мы должны, как сказал известный иранский поэт Ахмад Шамлу: «испытать совместный полет доверия, пусть даже (в этом полете) мы (можем) сломать крылья нашей дружбы» (Тишьяр, 2015). Достижение высокого уровня доверия – большая работа. Сближение позиций наших стран по многим вопросам международной политики дает нам возможность лучше узнать друг друга, рассеять укоренившиеся заблуждения, отринуть ложные стереотипы. И эта есть та самая цель, к которой нам всем – и россиянам, и иранцам – следует стремиться.

⁶ Составлено авторами.

⁷ Отголосок этого хаоса мы можем видеть в срежиссированных Западом массовых протестах, вызванных смертью курдской девушки Махсы Амини.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Генеральным секретарем Всемирной организации по сближению мазхабов аятоллой Мухаммадом Али Тасхири. *Официальный сайт Московского Патриархата*. Получено из <http://www.patriarchia.ru/db/text/2314450.html>
- Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с послом Ирана в России. *Портал «Седмица.RU»*. Получено из <https://www.sedmitza.ru/patriarch/2022-04-12/10111498.html>
- Зотова, Ю.А. (2021). Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 21(1), 157-170.
- Кербелай, Р. Интервью с Александром Дугиным о шиитском исламе, Иране и проекте «Ноомахия». *Портал «Мир Шиизма»*. Получено из <https://shia.world/intervyu-s-aleksandrom-duginym-o-shiitskom-islame-irane-i-proekte-noomahiya/>
- Кошеленко, А. Командир спецотряда «Ахмат» рассказал о битве против сатанистов. *Портал «МК.ru»*. Получено из <https://www.mk.ru>
- Линник, М. (2022). Торговый оборот между Россией и Ираном вырос на 10% в первом квартале. Портал «RG.RU». Получено из <https://rg.ru/2022/05/25/torgovyj-оборот-mezhdu-rossiej-i-iranom-vyros-na-10-v-pervom-kvartale.html>
- Один вечер в Исфахане. *Портал «Турспутник»*. Получено из <https://tursputnik.com/2016/11/odin-vecher-v-isfahane.html>
- Полищук, А.И., Соболева, А.С., Карими, Р.Э. (2018). Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 18(2), 368-386.
- Россия и Иран подписали соглашение о создании информационно-культурных центров. *ТАСС*. Получено из <https://n.tass.ru/politika/11130905>
- Тишьяр, М. (2015). О развитии ирано-российского сотрудничества Российско-иранские отношения. *Проблемы и перспективы: сборник статей международной конференции*. Москва: Институт востоковедения РАН, 20-24.
- Федоров, И. Политика в Иране: кто есть, кто? *Завтра*. Получено из <https://zavtra.ru/blogs/politikaviranektoestkto>
- Чесноков, Э. Ибрахим Раиси нанёс в Москву знаковый визит накануне российско-американских переговоров по Украине. *Портал «Комсомольская Правда»*. Получено из <https://www.kp.ru/daily/27353/4534372/>
- Что иранцы думают о русских и почему боятся приезжать в Россию? *Люди и страны. Расширяя горизонт*. Получено из <https://zen.yandex.ru>
- آداب روسی. «Khosravan» پورتال. Получено из <https://khosravan.org>
- آداب و رسوم مردم روسیه را بشناسید. «Kojaro» پورتال. Получено из <https://www.kojaro.com/>
- ویژگی های بارز مردم روسیه و عادات مختلف آنها. نخبگان بین المللی. Получено из <https://elittte.com>

Для цитирования: Леухин, А.Н., Малинкина, Е.М., Логунова, И.В. (2022). Стереотипы социальных групп населения Исламской Республики Иран относительно России и ее жителей. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(2), 34-45.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_36

REFERENCES

- Meeting of His Holiness Patriarch Kirill with the Secretary General of the World Organization for the Rapprochement of Madhabs Ayatollah Muhammad Ali Taskhiri. *Official website of the Moscow Patriarchate*. Retrieved from <http://www.patriarchia.ru/db/text/2314450.html> (in Russian)
- Meeting of His Holiness Patriarch Kirill with the Ambassador of Iran to Russia. *Portal "Sedmitsa.RU"*. Retrieved from <https://www.sedmitza.ru/patriarch/2022-04-12/10111498.html> (in Russian)
- Zotova, Yu.A. (2021). Mutual perception in modern Russian-Iranian relations: the image of Russia and Iran in school textbooks on the history of the two countries. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 21(1), 157-170. (in Russian)
- Karbelai, R. Interview with Alexander Dugin about Shiite Islam, Iran and the Noomahia project. *Portal "World of Shiism"*. Retrieved from <https://shia.world/intervyu-s-aleksandrom-duginym-o-shiitskom-islame-irane-i-proekte-noomahiya/> (in Russian)
- Koshelenko, A. The commander of the special detachment "Akhmat" spoke about the battle against the Satanists. *Portal "MK.ru"*. Retrieved from <https://www.mk.ru> (in Russian)
- Linnik, M. (2022). Trade turnover between Russia and Iran increased by 10% in the first quarter. *Portal "RG.RU"*. Retrieved from <https://rg.ru/2022/05/25/torgovyy-oborot-mezhdu-rossiej-i-iranom-vyros-na-10-v-pervom-kvartale.html> (in Russian)
- One evening in Isfahan. *Portal "Toursputnik"*. Retrieved from <https://tursputnik.com/2016/11/odin-vecher-v-isfahane.html> (in Russian)
- Polishchuk, A.I., Soboleva, A.S. & Karimi, R.E. (2018). Development of Russian-Iranian cultural relations at the beginning of the 21st century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 18(2), 368-386. (in Russian)
- Russia and Iran signed an agreement on the creation of information and cultural centers. *TASS*. Retrieved from <https://n.tass.ru/politika/11130905> (in Russian)
- Tishyar, M. (2015). On the development of Iranian-Russian cooperation Russian-Iranian relations. *Problems and prospects: collection of articles from the international conference*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 20-24. (in Russian)
- Fedorov, I. Politics in Iran: who is who? *Tomorrow*. Retrieved from <https://zavtra.ru/blogs/politikaviranektoestkto> (in Russian)

Chesnokov, E. Ibrahim Raisi paid a landmark visit to Moscow on the eve of Russian-American negotiations on Ukraine. *Portal "Komsomolskaya Pravda"*. Retrieved from <https://www.kp.ru/daily/27353/4534372/> (in Russian)

What do Iranians think about Russians and why are they afraid to come to Russia? People and countries. Expanding the horizon. Retrieved from <https://zen.yandex.ru> (in Russian)

روسی آداب. «Khosravan» پورتال. Retrieved from <https://khosravan.org> (in Persian)

آداب و رسوم مردم روسیه را بشناسید. «Kojaro» پورتال. Retrieved from <https://www.kojaro.com/> (in Persian)

المللی بین نخبگان. آنها مختلف عادات و روسیه مردم بارز های ویژگی. Retrieved from <https://elitte.com> (in Persian)

For citation: Leukhin, A.N., Malinkina, E.M. & Logunova, I.V. (2022). Stereotypes of Social Groups of the Population of the Islamic Republic of Iran in Relation to Russia and its Inhabitants. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(2), 34-45

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_36

EMOTIONAL AMBIVALENCE OF PERSONAL RELATIONSHIPS

Yuliya V. Lobanova

Moscow Polytechnic University, Russia, Moscow,

E-mail: lobanova_diss@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2970-7520>

ABSTRACT

This article analyzes and explores the historical and socio-cultural foundations for the emergence of ideas about the interpersonal relations of individuals in their social dimension, the influence of certain periods of European history on the changes taking place here is noted. The transition to a modern understanding of the content side of these relations is realized through the analysis of the work of the sociologist E. Illuz, who noted in her program works a number of new problems that have arisen as a result of a radical change in the socio-cultural context of the modern information society. Particular attention is paid to the study of one of these problems outlined by E. Illuz - the problem of emotional ambivalence within the modern field of intersubjectivity - the causes of its occurrence, private and general phenomenology, solutions. The conclusions of the study analyze the special role of the concept of "love conformism" by E. Illuz as a middle way between the proposed unity and the chosen autonomy of social subjects, its advantages and disadvantages.

KEYWORDS

emotions; culture of feelings; love; emotional capitalism; hyperinflation of feelings; society of impressions; consumerism; love conformism; emotional ambivalence; imaginary unity.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лобанова Юлия Владимировна

Московский политехнический университет, Россия, Москва

E-mail: lobanova_diss@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2970-7520>

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются и исследуются исторические и социокультурные основания возникновения представлений о межличностных отношениях индивидов в их социальном измерении, отмечается влияние отдельных периодов европейской истории на происходившие здесь изменения. Переход к современному пониманию содержательной стороны этих отношений реализован через анализ творчества социолога Е. Иллуз, отметившей в своих программных трудах целый ряд новых проблем, возникших вследствие радикального изменения социокультурного контекста современного информационного общества. Особое внимание уделено проблеме эмоциональной амбивалентности внутри современного поля интерессубъективности: причинам ее возникновения, частной и общей феноменологии, пути решения. В выводах анализируется особая роль концепции «любовного конформизма» авторства Е. Иллуз как срединного пути между предлагаемым единством и выбираемой автономией социальных субъектов, его преимущества и недостатки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

эмоции; культура чувств; любовь; эмоциональный капитализм; гиперинфляция чувств; общество впечатлений; консьюмеризм; любовный конформизм; эмоциональная амбивалентность; мнимость единства.

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

Ф. М. Тютчев

ВВЕДЕНИЕ

Постмодернистская культура современного информационного общества, предложившая новое видение содержания некоторых из прежних дескрипций социального бытия, тем самым выдвинула и целый ряд новых моделей взаимодействия индивида с окружающей его социальной структурой. Расширение их реализуемого спектра, равно как и появившихся возможностей индивида в актуализации внутри социальной реальности ряда программ, связанных с личным существованием и развитием, позволило по-новому взглянуть на прежние пути реализации индивидуальных установок, ранее ограниченные социальным нормированием, что, в свою очередь, не могло не оказать влияния на расширение доступного целеполагания процессов личностного развития и роста, а также на уровень их социальной свободы и раскрепощенности.

Однако не только предложение человеку эпохи постмодерна новых идеалов и ориентиров развития, но и их последующая реализация, парадоксальным образом не смогли сделать этого человека более счастливым, поскольку современная медицинская статистика свидетельствует скорее об обратном, а именно, о значительной динамике роста фиксируемых случаев эмоционально-аффективных расстройств, как униполярных (депрессии), так и биполярных (нарушения чередующегося эмоционального спектра и циклотимии). Помимо психологии, на этот парадокс обратили свое внимание также представители и других наук, в частности, социологии и философии, поскольку обозначенная проблема касалась и невозможности, и недостижимости ряда истинно фелицитарных состояний бытия индивида, несмотря на расширившиеся и раскрывшиеся возможности для их достижения, что и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – изучение и анализ целого ряда аспектов концепции любовного конформизма социолога Е.Иллуз, а также исследования реализуемых в современном социуме моделей достижения состояния счастья так, как это изложено в её основных работах (Illouz, 2008; Иллуз, 2022).

МЕТОДЫ

Используемая в ходе исследования методология включила в себя текстовый и контент-анализ материала первоисточников, а также кросс-факторный анализ описываемых в этих материалах процессов по параметрам, особенности изменения

которых обладали определенным объяснительным потенциалом по отношению к достижению заявленной цели исследования.

ОБСУЖДЕНИЯ И ДИСКУССИИ

Реалии индивидуального бытия человека и человечества последнего десятилетия были отмечены целым рядом эпизодов, имеющих характер резких и радикальных изменений, и потому эмоционально воспринимаемых со значительным налетом катастрофизма. Обещания со стороны публичной политики по поводу обязательной исторической победы как одной, так и другой общественной формации (которая в итоге не состоялась ни там, ни там) привели на индивидуальном уровне к более или менее ощутимому краху личных ожиданий по поводу будущего и, в то же самое время, к возникшему страху наступления новой катастрофы, иллюзия которого стала приобретать все более массовый характер.

Вследствие последующей иррадиации на остальное пространство социального бытия, само будущее в не-катастрофическом (или до-катастрофическом) варианте стало также восприниматься как иллюзорное, а общая эмоциональная палитра ожидания чего-то ужасного и неотвратимого резко сдвинулась в негатив. Состояния счастья, влюбленности тем самым также стали восприниматься как иллюзорные, а постструктуралистские трактовки любви как предмета культурной мифологии о несбыточном, только добавляли этой иллюзорности негативных оттенков, ссылаясь при этом на историческую европейскую традицию, основательно утвердившуюся в средневековой культуре (Ведмеш). Разлученные судьбой влюбленные искали воссоединения, но вместо любви почти всегда находили смерть, тем самым любовный мотив в художественной культуре того времени содержательно оказывался одним из самых трагических, в сюжетах которого состояние счастья упоминалось как что-то эфемерное, недостижимое, не подвластное усилиям самого человека, направленным на его обретение. Современной же цивилизации это добавляло только меланхолии, фатализма и обреченности, ощущения войны вместо мира и гибели вместо любви, и все это вместе взятое деформировало массовое представление не только о самом чувстве, но и о его эмоциональной стороне, лишая любовь страсти, огня, жертвенности. Если целью любви было завоевание руки и сердца любимого человека, то целью современной «не-любви» – полное физическое уничтожение противника. Эти новые времена, лишив последовательно любовь традиционных ее атрибутов преимущественно личного характера, переместили ее в публичное пространство для того, чтобы получить возможность нормировать само это чувство и установить за этой навязанной нормой внешний контроль (Цатурова, 2019).

На это обратили внимание еще неофрейдисты, например, Э.Фромм (Фромм, 2019), демаркировавший конструктивный паттерн «любовь-бытие» и деструктивный «любовь-обладание». Тем самым Фромм стал первым, кто указал на роль и функции последней в общей анатомии человеческой деструктивности. Препозиции установления отношений типа «любви-обладания» носят чисто

прагматический характер и ставят своей целью фактически «приобретение» объекта любви определенного социального статуса, положения, достатка, престижа и т.п. (Фромм, 2019). Ничего удивительного нет в том, что, согласно Е.Иллуз, – это «любовь», в которой нет любви, и целью которой даже не является достижение состояния истинной гармонии чувств, вследствие чего такая любовь действительно «ранит» (Иллуз, 2022).

Вступая на тропу «любви охоты», субъект, желающий приобретения отношений такого рода, постоянно сотрясает планку собственного эмоционального отношения к найденному. Если отмечаемый уровень социальной престижности соответствует ожиданиям, то и эмоциональная сторона отношений выставляется как благожелательная. Однако нет ничего неизменного в этом мире, и если прагматическая (экономическая) сторона таких отношений начинает колебаться, это парадоксальным образом влечет за собой колебания уровня валентности эмоций субъекта, демонстрируемых им по отношению к объекту «любви» (Кляйн, 2007). Например, если женщина в такой паре начинает терять внешнюю привлекательность, эта фаза эмоционального регресса прежде существовавших отношений может быть определена метким выражением «поматросил и бросил» (в знаменитом стихотворении Ф. М. Тютчева, фрагмент которого приведен в качестве эпиграфа статьи: *Давно ль, гордясь своей победой, // Ты говорил: она моя... // Год не прошел — спроси и сведай, // Что уцелело от нея?*). Бесконечная смена партнеров в этой ситуации не может изменить эти исходные препозиции субъекта, и поиск второй половины, максимизированный такими препозициями, становится столь же бесконечным.

Абсолютно запредельная по градусу своего эмоционального накала ревность также чаще всего становится закономерным следствием реакции субъекта на любую опасность утраты объекта обладания. Маятник амбивалентности эмоциональных отношений в таких парах раскачивается просто с фантастической амплитудой, поскольку это именно та ситуация, где «от любви до ненависти один шаг», реализующийся зачастую в форме абсолютно безобразных семейных скандалов и такого же по накалу выяснения отношений на последнем градусе разрыва этих же отношений (Canale). Термин «амбивалентность» был введен в психиатрии и психологии Э.Блейлером для обозначения одного из фундаментальных симптомов в составе клинической картины шизофрении, поскольку там это нарушение возникает по причине утраты личностью ощущения цельности и сопричастности себе собственной психики (Блейлер, 2018). Мало сомнений в том, что всякий институциональный ревнивец непременно есть шизофреник, однако градус эмоционального буйства и демонстрируемого аффекта в процессе выяснения реальных и мнимых причин для ревности иногда оказывается таким, что это может быть только вследствие полной, или почти полной утраты контроля за своими мыслями, речью, поведением. Ровно так же, как это происходит в острой фазе психоза. Отсюда и амбивалентность: вспылит – готов уничтожить; остыл – пошел извиняться и говорить ласковые слова. Однако ни один маятник, раскачиваясь, не может остановиться сразу, поскольку на фоне

этого внутреннего эмоционального разлада невозможно внутри себя нащупать плоскость, в которой получится совместить антагонистические чувства привязанности и отталкивания по отношению к одному и тому же одновременно.

Генетически, если речь не идет о патологии психики, эмоциональная амбивалентность становится прямым следствием взаимной противоречивости двух или большего числа исходных установок, на которых затем выстраиваются отношения, поскольку образ объекта в этих отношениях для субъекта остается либо чрезмерно многомерен, из-за чего происходит путаница в процессах собственной индивидуальной символизации, либо эмоционально (оценочно) деформирован, вследствие чего сам субъект не может сделать обоснованный выбор: его избранник его притягивает или отталкивает? (Boer, Buel, Horst, 2012).

Е. Иллуз обращает внимание на этот парадокс, поскольку речь всегда идет об отношениях двух, из которых один постоянно и часто непредсказуемо меняет свою личную позицию внутри пары (Illouz, 2008). Последнее, в свою очередь, может указывать на дефекты воспитания, образования, интеллекта, аффективно-эмоциональной сферы, – либо же на еще более глубокие патологические нарушения психики, лишаящие ревнивца, мучающего и истязающего своими подозрениями вторую половину, способности оценить ее эмоциональное состояние, равно как и возможные последствия такого воздействия. Не одна только ревность может выполнять роль генератива эмоциональной амбивалентности – тот же самый эффект может возникнуть, например, как результат невнимания объекта отношений к их субъекту даже на фоне того, что ранее этот объект для субъекта был эмоционально дорог (Burgo, 2010).

Проблема здесь кроется в фактических основаниях единства данной конкретной пары. Если между ее полюсами фиксируется «любовь-бытие», то основа этого единства обеспечивается равноправием и гармонией. Если фиксируется «любовь-обладание», то единство в такой паре опирается чаще всего на неравноправие и принуждение, и только по одному этому является мнимым, показным. Е. Иллуз отмечает, что эмоциональные основания, способные придать устойчивости и единства любовным отношениям, оказались денонсированы постмодернистской программой переустройства общественного бытия и фактически рухнули в 70-е годы прошлого века (Иллуз, 2022). По существу, современное общество до сих пор пребывает после этого в состоянии некоторой неизжитой неопределенности, занимаясь отчаянными поисками того, чем бы эти рухнувшие основания можно было бы столь же эффективно заменить (Иллуз, 2022). Кроме того, ситуация усугубляется и со стороны современного масскульта, помешанного на зрелищности, рейтингах, и тиражах, и потому предлагающего массовому зрителю/читателю текстовую и видео-продукцию, сюжетно и содержательно демонстрирующую беспрестанную смену партнеров, что на корню дестабилизирует все, что хоть каким-то образом связано с традицией, потому что ныне «это уже не модно» и «все сейчас делают так». У довольно значительной части социума, не имеющей по молодости лет личного опыта интимных отношений, складывается негативное подозрение, что достижение упомянутого

выше единства возможно исключительно посредством интимных отношений (Chatel, 2017). Семиотика культуры этого «общества всеобщего промискуитета» представляет собой бессвязную и произвольную чехарду культурных кодов, хотя бы приблизительная дешифровка которых оказывается по силам только специалисту, но не массовому зрителю или читателю.

Однако сексуальные отношения, особенно случайные, даже не требуют от вспыхнувших чувств какой-либо устойчивости и долговременности. Тем же самым снимается вопрос о структуре и распределении ролей и функций, ибо ничего этого уже не требуется, поскольку значимым остается лишь несовпадение биологического пола обеих сторон (и то уже не всегда – (Arrington, Stephenson, Rothblum, 2009).

Е. Иллуз отмечает, что если, поперек рекомендаций масскульта, между встречающимися вспыхивает еще и эмоциональная привязанность, то одних рекомендаций окажется недостаточно (Иллуз, 2022). Проблема современного социокультурогенеза любви как межличностного отношения, имеющего вполне определенное социальное измерение, состоит в том, что общество прогрессирующе утрачивает ресурсы и модели межпоколенческой трансляции навыков понимания эмоционального состояния человека, с которым есть желание эти эмоционально окрашенные отношения установить, и далее то, что остается от такой «любви», может только ранить. Как средство избежать этого и не абсолютизировать остающийся выбор автономии автор предлагает своему читателю паллиативный инструментарий «любовного конформизма» (Иллуз, 2022), однако современная социальная реальность уже сейчас начинает нащупывать границы, за которыми и это средство трагически перестает работать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Постмодернистский дискурс привел к реструктуризации традиционных культурных моделей эмоционально-опосредованной интерсубъективности, предложив вместо них ряд вариантов совместного бытия индивидов, межличностные отношения внутри которых несли в себе большие риски эмоциональной амбивалентности.

2. Универсальные рецепты «единого счастья для всех» оказались неспособны сделать хотя бы большинство современного социума действительно счастливым, парадоксальным образом став затем причиной возникновения и развития целого ряда массовых эмоциональных расстройств и патологий.

3. Генетические корни возникновения эмоционально амбивалентного отношения индивидов друг к другу в паре имеют свои как индивидуальные, так и общесоциальные причины.

4. Современный масскульт оказывает деструктивное воздействие на процессы индивидуального восприятия формирующегося ощущения единства индивидов в паре, репрезентируя вместо подлинных чувств их суррогаты и ситуативные субституты.

5. В качестве альтернативы социальной автономии современного индивида предлагается «любовный конформизм», представляющий собой промежуточный и компромиссный вариант такой альтернативы, социальная эффективность которого в последнее время вызывает все больше вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аронсон, П. (2020). *Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами наших чувств*. Москва: Individuum.
- Афанасов, Н.Б. (2022). Любовь. Эмоциональный капитализм – крафтовая экономика? *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4 (2), 183-194.
- Блейлер, Э. (2018). *Аутистическое мышление. Аффективность, внушение, паранойя*. Москва: ИД Алеф-Пресс.
- Ведмеш, Н.А. (2022). Амбивалентность чувств. Амбивалентность в отношениях. *Психология и психиатрия*. Получено из <https://psihomed.com/ambivalentnost/>
- Иллуз, Е. (2022). *Почему любовь ранит? Социологическое объяснение*. Перевод с нем. С.В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг.
- Иллуз, Е. (2022). *Почему любовь уходит? Социология негативных отношений*. Перевод с нем. С.В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг.
- Кляйн, М. (2007). *Т. II: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929-1942 гг.* Ижевск: ИД «ERGO».
- Лебедева, И.В., Романова, А.П., Якушенков, С.Н. (2012). Массмедиа и консюмеризация культуры. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 9(73), 71-74.
- Реквиц, А. (2022). *Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна*. Пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. Москва; Берлин : Директмедиа Паблишинг.
- Саенко, Н.Р. (2004). Судьба принципа удовольствия в эпоху постсовременности. *Современное культурное пространство: Философия. Искусство. Технология. Информация*. Волгоград: Волгоградское региональное отделение Молодежного союза юристов РФ, 22-28.
- Сувалко, А.С. (2013). *Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств*. Препринт С89. Москва: Изд. дом. Высшей школы экономики.
- Фромм, Э. (2019). *Иметь или быть?* Москва: АСТ.
- Хлыщева, Е.В. (2019). Идентификационные формы современного мира: проблема трансформации. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1(58), 111-117.
- Цатурова, А.Г. (2019). Амбивалентность в невротических парных отношениях. *IV Фрейдовские чтения: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург: ЧОУВО "Восточно-европейский институт психоанализа", 53-60.
- Щеглова, Л.В. (2003). Значение этики в эпоху эстетизма. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(03), 3-9.

- Arrington, C. L. M., Stephenson, J. & Rothblum, E.D. (2009). Sexual Fluidity: Understanding Women's Love and Desire'. *Journal of Gay & Lesbian Mental Health*, 13:3, 227-228.
- Boer, A., Buel, E. & Horst, G. (2012). Love is more than just a kiss: a neurobiological perspective on love and affection. *Neuroscience*, 11. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2011.11.017>
- Burgo, J. (2010). Mixed Emotions: Loving and Hating the Same Person. *Rules of the Road: Unbearable Emotion*. Retrieved from <http://www.afterpsychotherapy.com/love-and-hatred/>
- Canale, C. Ambivalence – a Love-Hate Story. Retrieved from www.therapyroute.com/article/ambivalence-a-love-hate-story-by-c-canale
- Chatel, A. (2017). Why We're Attracted to People Just Like Us, According to Science. Retrieved from <https://www.bustle.com/articles/153908-why-were-attracted-to-people-who-are-just-like-us-according-to-science>
- Illouz, E. (2008). *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. University of California Press.
- Schulze, G. (2005). *Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart*. Frankfurt/New York: Campus Verlag.

Для цитирования: Лобанова, Ю.В. (2022). Эмоциональная амбивалентность личных отношений. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(2), 46-56.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_47

REFERENCES

- Aronson, P. (2020). *Love: DIY. How we became managers of our feelings*. Moscow: Individual. (in Russian)
- Afanasov, N.B. (2022). Love. Emotional capitalism – craft economy? *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4 (2), 183-194. (in Russian)
- Bleuler, E. (2018). *Autistic thinking. Affectivity, suggestion, paranoia*. Moscow: Publishing House Alef-Press. (in Russian)
- Vedmesh, N.A. (2022). Ambivalence of feelings. Ambivalence in relationships. *Psychology and psychiatry*. Retrieved from <https://psihomed.com/ambivalentnost/> (in Russian)
- Illouz, E. (2022). *Why does love hurt? Sociological explanation*. Trans. S.V. Sidorova. Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing. (in Russian)

- Illouz, E. (2022). *Why does love go away? Sociology of negative relationships*. Trans. S.V. Sidorova. Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing. (in Russian)
- Klein, M. (2007). *T. II: "Love, guilt and reparation" and other works of 1929-1942*. Izhevsk: Publishing House "ERGO". (in Russian)
- Lebedeva, I.V., Romanova, A.P. & Yakushenkov, S.N. (2012). Mass media and consumerization of culture. *News of Volgograd State Pedagogical University*, 9(73), 71-74. (in Russian)
- Reckwitz, A. (2022). *Society of Singularities. On the structural changes of the modern era*. Trans. T.Yu. Adamenko, I.G. Sokolovskaya. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing. (in Russian)
- Saenko, N.R. (2004). The fate of the pleasure principle in the postmodern era. *Modern cultural space: Philosophy. Art. Technology. Information*. Volgograd: Volgograd regional branch of the Youth Union of Lawyers of the Russian Federation, 22-28. (in Russian)
- Suvalko, A.S. (2013). *Emotional capitalism: the commercialization of feelings*. Preprint C89. Moscow: Publishing house. house. Higher School of Economics. (in Russian)
- Fromm, E. (2019). *To have or to be?* Moscow: AST. (in Russian)
- Khlyscheva, E.V. (2019). Identification forms of the modern world: the problem of transformation. *Caspian region: politics, economics, culture*, 1(58), 111-117. (in Russian)
- Tsaturova, A.G. (2019). Ambivalence in neurotic couple relationships. *IV Freudian readings: Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference*. St. Petersburg: CHOUVO "East European Institute of Psychoanalysis", 53-60. (in Russian)
- Shcheglova, L.V. (2003). The meaning of ethics in the era of aestheticism. *News of Volgograd State Pedagogical University*, 2(03), 3-9. (in Russian)
- Arrington, C. L. M., Stephenson, J. & Rothblum, E.D. (2009). Sexual Fluidity: Understanding Women's Love and Desire'. *Journal of Gay & Lesbian Mental Health*, 13:3, 227-228.
- Boer, A., Buel, E. & Horst, G. (2012). Love is more than just a kiss: a neurobiological perspective on love and affection. *Neuroscience*, 11. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2011.11.017>
- Burgo, J. (2010). Mixed Emotions: Loving and Hating the Same Person. *Rules of the Road: Unbearable Emotion*. Retrieved from <http://www.afterpsychotherapy.com/love-and-hatred/>
- Canale, C. Ambivalence – a Love-Hate Story. Retrieved from www.therapyroute.com/article/ambivalence-a-love-hate-story-by-c-canale
- Chatel, A. (2017). Why We're Attracted to People Just Like Us, According to Science. Retrieved from <https://www.bustle.com/articles/153908-why-were-attracted-to-people-who-are-just-like-us-according-to-science>
- Illouz, E. (2008). *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. University of California Press.

Schulze, G. (2005). *Erlebnisgesellschaft: Kulturosoziologie der Gegenwart*. Frankfurt/New York: Campus Verlag.

For citation: Lobanova, Y.V. (2022). Emotional Ambivalence of Personal Relationships. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(2), 46-56.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_47

EFFECTS AND RISKS OF TRANSFORMING THE SCREEN OF PORTABLE DEVICES INTO A NEW HUMAN BODY

Sergey L. Grigoryev

Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russia, Moscow

E-mail: grigoryevdiss@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9143-0636>

ABSTRACT

This article based on the concept of the screen as an anthropological prosthesis by M. Yampolsky, considers a number of new views on the features of human interaction with mobile electronic devices, accompanied by changes in his perception and thinking inside the virtual space of the screen. Particular attention is paid to the history of the emergence and technical improvement of screen devices, which inevitably led to a radical change in the attitude of a person to virtual reality, the sociocultural and socio-psychological reasons for these changes are considered separately. Based on the results of the study, the most important aspects of the processes of perception, understanding and adaptation of a person to the content side and the phenomenology of the internal space of the screen are identified and analyzed, the basic types of developing adaptation processes are identified, followed by an assessment of their results. In conclusion, the tendencies of convergence of anthropological and scientific and technological evolution, the joint historical genesis of man and the technical devices surrounding him, are noted that are already gaining momentum.

KEYWORDS

screen culture; virtualization; physicality.

ЭФФЕКТЫ И РИСКИ ПРЕВРАЩЕНИЯ ЭКРАНА ПОРТАТИВНЫХ УСТРОЙСТВ В НОВУЮ ТЕЛЕСНОСТЬ

Григорьев Сергей Леонидович

Российский государственный аграрный университет им К. А. Тимирязева,
Россия, Москва

E-mail: grigoryevdiss@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9143-0636>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен ряд новых взглядов на особенности взаимодействия человека с мобильными электронными устройствами, сопровождающегося изменениями его восприятия и мышления внутри виртуального пространства экрана. Особое внимание уделено истории появления и технического совершенствования экранных устройств, которые с неизбежностью повлекли за собой радикальное изменение отношения человека к виртуальной реальности. Отдельно рассмотрены социокультурные и социально-психологические причины этих изменений. По результатам исследования выделены и проанализированы наиболее важные аспекты процессов восприятия, понимания и адаптации человека к содержательной стороне и феноменологии внутреннего пространства экрана, выделены базисные типы развивающихся процессов адаптации с последующей оценкой их результатов. В заключение отмечены набирающие силу тенденции конвергенции антропологической и научно-технической эволюции, совместного исторического генезиса человека и окружающих его технических устройств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экранная культура; виртуализация; телесность.

ВВЕДЕНИЕ

Первый персональный компьютер появился более 40 лет тому назад. По сравнению с телевизором, вошедшим в мир человеческого универсума несколькими десятилетиями ранее, ПК дал возможность пользователю уже не только переключать каналы, но и более разнообразным и сложным образом влиять на происходящее на экране монитора. Прошло совсем немного лет, и это сложное устройство было переконструировано до размеров большой (а позже – и не очень большой) папки с бумагой, получило автономный источник питания и стало мобильным.

В первом десятилетии нынешнего века произошел резкий переход от мобильных телефонов первых поколений к полноэкранным смартфонам, которые, в отличие от ноутбука, вполне можно было положить и в сумку, и в карман. Это устройство по массовости своего распространения очень быстро потеснило с первого места все остальные объекты техносферы, и в настоящее время крайне сложно найти человека, его не имеющего. По объему времени, занимаемому коммуницированием человека со своим мобильным гаджетом, все остальные виды общения вне контакта с виртуальной реальностью постепенно, но неуклонно оставляют свои позиции, передавая их все более технически современной и все более антропологически и эргономически удобной электронике.

Основным элементом такого устройства является экран, на котором его пользователь получил возможность реализовывать даже такие сценарии, которые выходят далеко за рамки виртуальной реальности – например, осуществлять реальные покупки, заказывать и вести документацию, проводить финансовые платежи и переводы, не говоря уже обо всем остальном, более традиционном. Однако возник и все еще остается нерешенным по существу вопрос: человек, взаимодействующий таким образом с виртуальной реальностью, остался ли прежним и неизменным по основным нейросенсорным и когнитивным характеристикам своей психики в процессе этого коммуницирования с обязательной медиацией самого этого процесса посредством экрана? Только ли медиатором остается экран, или в результате постоянного, многократно повторяющегося взаимодействия с человеком экран стал приобретать какие-то более важные (по сравнению с чисто техническими) функции?

Цель исследования – проведение всестороннего анализа изменяющегося функционала экрана в системе его взаимодействия с пользователем технического устройства, а также акцентирование внимания на отдельных и наиболее важных аспектах экранного информационного поля, антропометрически, операционально и хронологически оцениваемых в динамике своих изменений в течение последнего времени.

МЕТОДЫ

В настоящем исследовании были применены методы анализа текстовых материалов, контент-анализа, герменевтического анализа ряда источников по параметрам, содержание которых определялось как наиболее значимое для достижения поставленной в исследовании цели.

ОБСУЖДЕНИЕ И ДИСКУССИИ

Общее, феноменологически всеобъемлющее отношение человека к виртуальной реальности изменилось от первых киносансов братьев Люмьер, когда человек от этой реальности убегал в буквальном смысле, до прямо противоположного. Доказательство этого можно видеть сегодня везде, где человек любой промежуток высвободившегося времени посвящает портативному экрану, вступая в «племя опущенных голов» (Григорьев, 2022). Для того, чтобы произошло столь радикальное изменение человека, да еще и в массовом масштабе, нужен столь же радикальный и эффективный инструмент, и таким инструментом стал мобильный и портативный экран. Трагические случаи гибели самых азартных геймеров прямо перед экраном компьютера от физического или нервного истощения свидетельствуют прежде всего о том, что техническое и технологическое совершенство самого этого технического устройства, равно как и его основного интерфейса, обращенного к человеческому восприятию, позволило стереть грань между реальной и виртуальной реальностью (Лобанова, 2022). Не менее размытой оказывается и грань между самоощущением человека в качестве реального существа и его экранным образом, которая подчас доходит до состояния полного неразличения. Другими словами, для того, чтобы выжить «там», геймер реально умирает здесь, однако подобная подмена им практически не осознается: экранный двойник несет в себе все приметы физического прототипа. Важно подчеркнуть, что, как правило, отмеченное положение дел возможно исключительно при условии, когда обязательным промежуточным звеном в процессе коммуникации пользователя с виртуальной реальностью будет экран его технического устройства. Причем экран, имеющий такой уровень технического и технологического совершенства, который обладает всеми достижениями, способствующими формированию в сознании человека эффекта отсутствия этой грани.

То обстоятельство, что виртуальная реальность видится все более значимой в жизни современного человека, сегодня ни у кого не вызывает сомнения. Однако субъективно формирующееся ощущение масштабности и повсеместности этой значимости и ее надвигающейся тотальности с необходимостью ставит перед исследователем проблему повышения уровня и имеющихся возможностей адаптации тела и духа человека к этой совершенно новой реалии. Все это делает насущными вопросы удобства, эргономики, инструментализации и сокращения любого рода издержек со стороны пользователя при осуществлении к ней доступа.

Более того, инспирируемая современным стремительным НТП обостряющаяся злободневность именно такой постановки вопросов, уже прямо, а не косвенно, реагирует на них формулированием со своей стороны пожеланий, рекомендаций, требований изменить также и самого человека (Капустина, Лобанова, 2022) – дополнить его, расширить его возможности, протезировать, в конце концов.

Таким образом, появляющаяся возможность утверждать экран в качестве антропологического протеза принципиально иного типа, появление которого вызвано возникновением совершенно нового пространства человеческого существования, этой экранной метафизики новейшего времени, тем же самым дает возможность безоговорочно признать его недостижимое, фантастическое, не сравнимое ни с какими прежними видами «физических» антропологических протезов совершенство. Доказательством этого является как рекордный и неослабевающий спрос на все более обновляющиеся и совершенствующиеся мобильные электронные устройства обеспечения доступа в виртуальную реальность, так и сохраняющийся на них уровень цен. Сам, по своему собственному желанию, совершенно добровольно и безо всякого принуждения, современный человек выражает полную готовность не только «протезировать» самого себя ради обретения новых возможностей, но и платить за это «протезирование» реальную цену.

Столь же очевиден и тот факт, что постепенно меняется сама культура современного социума, которая во все большей степени становится электронной (Закутнов, 2021), экранной как по начинающим преобладать типам своей символизации, так и по формам репрезентации этих типов в рамках складывающихся культурных коммуникаций. Сейчас уже практически не подлежит сомнению, что вслед за изменением типов взаимодействий почти неизбежно последует изменение ценностей и экран (теперь уже как культурный феномен) получит все шансы продвинуться вверх и по этой шкале (Рейд, 2005). Собственно, какую-то часть этого процесса можно наблюдать уже сейчас. Речь идет о следующем: в субкультуре электронных фанатов обозначенные тенденции уже формализованы и вполне осязаемы. В частности, доказано, что в рамках опосредуемой этой культурой псевдосемиотики гиперреальности (термин Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2021)), репрезентируемой посредством экрана, в психике человека возникают феномены гиперрефлексии, модально центрирующиеся вокруг образов экранной гиперреальности, а затем и гиперсознания (Зинченко, 2010).

Являющееся следствием и результатом процесса общей виртуализации сферы восприятия и мышления человека, формируемое таким образом гиперсознание, наиболее поразительной отличительной особенностью которого становится символическая агглютинация образов физической и виртуальной реальности, скрепляет их во внутреннем мире продвинутых пользователей и геймеров до состояния их полного неразличения. Иначе виртуальное гиперсознание деформирует и преобразует исходные рецептивные, эмоциональные, мотивационные, когнитивные паттерны восприятия и понимания внешнего мира в направлении все большей привлекательности виртуальной реальности (Николаева,

2017). Тем самым современный человек, привыкший всемерно экономить личное время и минимизировать другие издержки, уже сейчас «голосует за экран», доставая свой смартфон и погружаясь преобразенным (преобразованным) сознанием своим в виртуальное пространство экрана этого смартфона целиком.

Используя дефицитарность бытия современного человека, экран и его творцы, протезируя новые способности сферы восприятия и мышления пользователя, тем самым создают особые условия, внутри которых его навыки, привычки, сам жизненный стиль преобразуются в желаемом направлении, становясь при этом наиболее податливыми (Николаева, 2017). На это обратил внимание М. Ямпольский (Ямпольский, 2012), с концепцией которого и связана используемая нами метафора экрана как антропологического протеза. В данном контексте сознание индивида берется под контроль не только с помощью особых приемов, которые можно обеспечить посредством экрана, но и уровнем его технического и технологического совершенства. Последний обеспечивает не только требуемый уровень тропизма (или «сродства») репрезентируемой экраном реальности к уже заложенным в это сознание моделям и образам восприятия и осмысления реального мира. Речь также идет и об уровне психологического комфорта, сопровождающего интерактив в системе «человек – экран». Однако протезированное (экранированное) сознание индивида чаще всего берется под контроль для того, чтобы потом сделать его объектом манипулирования (Huhtamo, 2004), поскольку грань между непосредственно данным экраном и опосредованно репрезентированным им содержанием (виртуальным миром) в этом сознании настойчиво и интенсивно стирается.

Думается, что сложившееся положение дел может рассматриваться одним из выходов для членов социума, отмеченного прогрессирующим ослаблением реальных социальных связей. В частности, в Сеть можно выложить свое мнение, свой комментарий, фотографии или видео, иллюстрирующие те моменты личного бытия, которые пользователь считает возможным выложить в открытый доступ. Максимум, что он получает в ответ – это чужую иронию или инвективы, не способные нарушить реальную территорию личной безопасности (Gere, 2006). Древнее «Charta non erubescit» стремительно заменяется на «Velum non erubescit», поскольку экран, сквозь который пользователь обзирает задаваемое им пространство, становится подобен занавесу. Примечательно, что такой «занавес» инициирует ситуацию, когда наблюдающий за тем, что он за собой скрывает, при желании сколь угодно долго сохраняет собственное инкогнито. Тем самым сбывается пророчество Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2017), в соответствии с которым содержание экранного пространства превращается во всемирный виртуальный Бобур, сохраняющий свою видимость. Налицо хаос и чередование симулякров, за которыми невозможно распознать никакое реальное содержание.

Не секрет, что нынешний экран уже обладает способностями показывать, говорить и даже вступать со своим пользователем в диалог от имени предъявляемого им экранного образа, но при этом его потенциал как антропологического протеза для человека будущего связан с только что

нащупываемыми и проектируемыми способностями создания посредством него эффектов полимодальной имитации или симуляции (Miller, 2014). Таковая способна заменить (или заместить) окружающий человека мир целиком, и этот сценарий уже обыгран создателями культовой кинотрилогии «Матрица» (The Matrix). Вымысел сценаристов и создателей этого блокбастера имеет все перспективы стать не далекой реальностью, пока еще отдаленный образ которой во все большей степени обретает свои черты в рамках кинематографа. Знаменательно, что современная психология электронных коммуникаций с изумлением отмечает возникновение феномена почти интимных отношений телесности между пользователем и его гаджетом (Introna, Iharco, 2006), то есть ровно так, как это и предусматривается между нуждающейся в протезировании телесностью и самим протезом.

Последнее же содержательно означает усиление формирующихся тенденций конвергенции прежде отдельных процессов эволюции техносферы и антропосферы, все более сближаемых и сближающихся в единый процесс коэволюции человека и мира окружающих его технических устройств, протезирующих уже сейчас, или же в будущем в том числе и важнейшие психические функционалы человека. Другими словами, уже сегодня мы вынуждены констатировать, что его сознание попадает во всё большую зависимость от этой технической поддержки. Как отмечает М. Ямпольский (Ямпольский, 2012), наличие экрана для протезируемого человеческого сознания становится необходимым техническим средством репрезентации для субъекта чего-либо вне-субъектного, поскольку именно экран технически позволяет сознанию перевести его внутренние образы в поле внешней рефлексии, и визуализируя их там, сделать объективно столь же живыми, как они и представлены субъективно внутри сознания человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В настоящее время взаимодействие человека и портативного электронного устройства стало устойчивым элементом современного социального бытия. Основным элементом информационной техники является экран, посредством которого современный человек реализует жизненные сценарии, выходящие за рамки виртуальной реальности.

2. Актуальный функционал экрана электронного устройства ныне значительно превосходит одну только функцию медиации, однако относительно других его возможностей до сих пор ведется активная научная дискуссия.

3. Де-факто именно экран стал основным средством радикального изменения отношения человека к виртуальной реальности. Экран оказался способен полностью стереть в восприятии и сознании человека грань между внешним миром и виртуальной реальностью.

4. Углубляемая виртуализация жизненного пространства человека ставит вопрос о необходимости адаптации его психики ко внутреннему пространству

экрана ребром. Пользователь устройства и его экран, определенным образом воздействуя друг на друга, решают эту задачу.

5. Эффективность экрана, рассматриваемого в качестве антропологического протеза, оказывается несопоставима с эффективностью традиционных протезов. Одноименная концепция М. Ямпольского, предлагая некоторые ответы на важные текущие проблемы, тем самым ставит еще больше вопросов, на которые исследователю культуры придется искать ответ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр, Ж. (2021). *Символический обмен и смерть*. Москва: Рипол-Классик.
- Бодрийяр, Ж. (2017). *Симулякры и симуляция*. Москва: Постум.
- Григорьев, С.Л. (2022). Роль полиэкранной культуры в формировании нового социокультурного типа человека. *Вестник культуры и искусств*, 3(71), 64-72.
- Закутнов, О.И., Тихонова, В.Л. (2021). Современный человек в пространстве виртуальной реальности. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2(67), 158-167.
- Зинченко, Ю.П., Меньшикова, Г.Я., Баяковский, Ю.М. (2010). Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы. *Национальный психологический журнал*, 1(3), 54-62.
- Капустина, С.И., Лобанова, Ю.В. (2022). Перспективы и риски массового использования искусственного интеллекта. *Наука, техника, педагогика высшей школы. Новые технологии = Science, Engineering, Higher Education Pedagogics. New Technologies*. Москва: Московский политехнический университет, 508-513.
- Лобанова, Ю.В. (2022). Компьютерная видеоигра как социокультурный генератив эмоций. *Вестник культуры и искусств*, 3(71), 73-81.
- Николаева, Е.В. (2016). Хронотопы экранной культуры – повседневность как экранный интерфейс. *Наука телевидения*, 11, 48-76.
- Николаева, Е.В. (2017). Экран как зеркало медийных революций. *Наука телевидения*, 12, 39-63.
- Рейд, Э. (2005). Идентичность и кибернетическое тело. *Массовая культура: современные западные исследования*. Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 204-220.
- Саенко, Н.Р., Щеглов, И.В. (2012). Процедуры "вживления" экрана в бытие современного человека. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4(33), 275-282.
- Ямпольский, М. (2012). Экран как антропологический протез. *Новое литературное обозрение*. 2. Получено из <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/ekran-kak-antropologicheskij-protez.html>
- Gere, Ch. (2006). Genealogy of the computer screen. *Visual Communications*, 5 (2), 141-152.

- Huhtamo, E. (2004). Elements of Screenology: Toward an Archeology of the Screen. *ICONICS: International Studies of the Modern Image*, 7, 31-82.
- Introna, L.D. & Ilharco, F.M. (2006). On the Meaning of Screens: Towards a Phenomenological Account of Screenness. *Human Studies*, 29, 1, 57-76.
- Miller, J. (2014). The fourth screen: Mediatization and the smartphone. *Mobile Media & Communication*, 4, 2(2), 209-226.
- The Matrix. Retrieved from <https://catalog.afi.com/Film/61230-THE-MATRIX?sid=75745f96-a1f9-477>

Для цитирования: Григорьев, С.Л. (2022). Эффекты и риски превращения экрана портативных устройств в новую телесность. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(2), 57-66.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_58

REFERENCES

- Baudrillard, J. (2021). *Symbolic exchange and death*. Moscow: Ripol-Classic. (in Russian)
- Baudrillard, J. (2017). *Simulacra and simulation*. Moscow: Postum. (in Russian)
- Grigoriev, S.L. (2022). The role of split-screen culture in the formation of a new sociocultural type of person. *Bulletin of Culture and Arts*, 3(71), 64-72. (in Russian)
- Zakutnov, O.I. & Tikhonova, V.L. (2021). Modern man in virtual reality space. *Caspian region: politics, economics, culture*, 2(67), 158-167. (in Russian)
- Zinchenko, Yu.P., Menshikova, G.Ya. & Bayakovskiy, Yu.M. (2010). Virtual reality technologies: methodological aspects, achievements and prospects. *National Journal of Psychology*, 1(3), 54-62. (in Russian)
- Kapustina, S.I. & Lobanova, Yu.V. (2022). Prospects and risks of mass use of artificial intelligence. *Science, technology, pedagogy of higher education. New technologies = Science, Engineering, Higher Education Pedagogics. New Technologies*. Moscow: Moscow Polytechnic University, 508-513. (in Russian)
- Lobanova, Yu.V. (2022). Computer video game as a sociocultural generative of emotions. *Bulletin of Culture and Arts*, 3(71), 73-81. (in Russian)
- Nikolaeva, E.V. (2016). Chronotopes of screen culture – everyday life as a screen interface. *Television Science*, 11, 48-76. (in Russian)
- Nikolaeva, E.V. (2017). The screen as a mirror of media revolutions. *Television Science*, 12, 39-63. (in Russian)
- Reid, E. (2005). Identity and the cybernetic body. *Popular culture: modern Western studies*. Moscow: Foundation for Scientific Research “Pragmatics of Culture”, 204-220. (in Russian)

- Saenko, N.R. & Shcheglov, I.V. (2012). Procedures for “implanting” a screen into the existence of a modern person. *Caspian region: politics, economics, culture*, 4(33), 275-282. (in Russian)
- Yampolsky, M. (2012). The screen as an anthropological prosthesis. *New Literary Review*. 2. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/ekran-kak-antropologicheskij-protez.html> (in Russian)
- Gere, Ch. (2006). Genealogy of the computer screen. *Visual Communications*, 5 (2), 141-152.
- Huhtamo, E. (2004). Elements of Screenology: Toward an Archeology of the Screen. *ICONICS: International Studies of the Modern Image*, 7, 31-82.
- Introna, L.D. & Ilharco, F.M. (2006). On the Meaning of Screens: Towards a Phenomenological Account of Screenness. *Human Studies*, 29, 1, 57-76.
- Miller, J. (2014). The fourth screen: Mediatization and the smartphone. *Mobile Media & Communication*, 4, 2(2), 209-226.
- The Matrix. Retrieved from <https://catalog.afi.com/Film/61230-THE-MATRIX?sid=75745f96-a1f9-477>

For citation: Grigoryev, S.L. (2022). Effects and Risks of Transforming the Screen of Portable Devices into a New Human Body. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(2), 57-66.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_58

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "CASPIAN AND GLOBAL CHALLENGES"

Elena V. Khlyshcheva

Astrakhan Tatishchev State University, Russia, Astrakhan

E-mail: culture_mar@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

ABSTRACT

The article gives an overview of the work of Section 3.1 "Complex security of the Caspian region" within the framework of the International scientific-practical conference "Caspian and global challenges", held on May 23-24, 2022 in Astrakhan at the base of Astrakhan State University. The brief review introduces the main directions of the Session related to the security issues of the Caspian macro-region, touching upon the issues of complex security in the context of environmental, geopolitical, social and cultural components.

KEYWORDS

Caspian region; complex security; Caspian Sea; regional identity; legal problems; environmental problems; content analysis; sociological survey.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАСПИЙ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ»

Хлыщева Елена Владиславовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева.

Россия, Астрахань

E-mail: culture_mar@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

АННОТАЦИЯ

В статье дается обзор работы Секции 3.1 «Комплексная безопасность Каспийского региона» в рамках Международной научно-практической конференции «Каспий и глобальные вызовы», состоявшейся 23-24 мая 2022 года в городе Астрахани на базе Астраханского государственного университета. Краткое обозрение знакомит с основными направлениями работы Сессии, связанными с проблемами безопасности Каспийского макрорегиона, затрагивающими вопросы комплексной безопасности в разрезе экологической, геополитической, социальной и культурной составляющих.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Каспийский регион; комплексная безопасность; Каспийское море; региональная идентичность; правовые проблемы; экологические проблемы; контент-анализ; социологический опрос.

Работа Сессия 3.1. «Комплексная безопасность Каспийского региона» проходила в Астраханском государственном университете 24 мая 2022 года. Она была организована Институтом исследований проблем юга России и Прикаспия совместно с кафедрами политологии, культурологии, социологии.

Модераторами сессии выступили доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Усманов Рафик Хамматович и доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Хлыщева Елена Владиславовна.

На обсуждение были вынесены вопросы, связанные с проблемами социетальной, правовой, геополитической, информационной, экологической безопасности Каспийского макрорегиона. К обсуждению актуальных вопросов были приглашены ученые, исследователи, эксперты, владеющие исключительными знаниями в сфере обозначенной повестки.

Заседание было открыто докладом доктора политических наук, профессора, заведующего кафедрой политологии Усманова Рафика Хамматовича, подчеркнувшего стратегическое значение макрорегионального пространства Большого Каспия и обозначившего риски изменения обстановки на Каспии в условиях геополитических вызовов. Особое внимание было уделено современным евразийским исследованиям Каспийского вектора безопасности.

Хлыщева Е.В. охарактеризовала Прикаспийский регион как уникальное поликультурное пространство с разными культурами и ментальностями, что доказывает необходимость формирования общерегиональной идентичности, которая направлена не только на поддержание безопасности в культурной сфере, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания, что очень актуально для поставленной задачи формирования единого ментального пространства в Прикаспийском регионе. Без этого достижение культурной безопасности невозможно.

Работа секции проходила в смешанном формате: очное участие и дистанционная форма работы. Повестка заседания включала несколько треков, рассматривающих различные сферы безопасности Каспия: общетеоретическую, правовую, социально-политическую и культурную, информационную, экологическую и экономическую.

В первых выступлениях рассматривались общетеоретические основы формирования региональной идентичности. Данная проблема была раскрыта в докладах «Региональная коллективная идентичность и региональная безопасность» (М.С. Топчиев, кандидат политических наук, доцент, АГУ) и «Формирование региональной идентичности на Юге России» (докладчик: Л.Р. Миркушина, кандидат философских наук, МГПУ). Идентичность как «относительная устойчивость индивидуальных, социокультурных, национально-этнических, цивилизационных параметров, выступающих основой самотождественности и общественных образований и личности» (Костина, 2009, с.169.) сегодня становится одной из центральных проблем науки, политики и культуры. Базовой по-прежнему остается этническая идентичность, но в глобализирующем мире актуальным

становится формирование общерегиональной идентичности, причем не только в границах одной страны, но и на всем Прикаспийском пространстве. В докладах анализируется влияние изменения баланса этнической и региональной коллективной идентичностей на систему культурной безопасности стран поликультурного Каспийского региона.

В докладе кандидата политических наук, доцента Московского государственного лингвистического университета А.И. Емельянова, «О формировании особой геополитической идентичности государств Прикаспийского региона» показан процесс построения геополитической идентичности государств Прикаспийского региона, а также анализируется политика государств, имеющих выход к Каспию, направленная на обеспечение национальной безопасности. Речь идет прежде всего о геополитической идентичности, под которой автор понимает «комплекс географических признаков государства, которыми, несмотря на исторические изменения его границ, определяются не только его место на карте, но и основные особенности его внутренних и внешних связей» (Новая философская энциклопедия, 2001, с.325). Автор полагает, что тесное взаимодействие стран на протяжении длительного времени предопределило выделение Каспия в отдельный регион, что позволяет совместными усилиями реагировать на региональные вызовы.

Проблема национальной идентичности в контексте безопасности Каспийского макрорегиона была поднята в выступлении доктора философских наук, профессора кафедры философии АГУ С. А. Храпова. Автор выявил макроугрозы национальной безопасности стран-субъектов и всего Каспийского региона, а также и проанализировал политические, экономические, культурные ресурсы национальной идентичности в их нивелировании. Вопрос о ресурсах национальной идентичности в обеспечении безопасности Каспийского макрорегиона может быть конструирован пониманием онтологической обусловленности как формирования самой национальной идентичности в историческом контексте политического, экономического, культурного векторов развития стран, так и объективным значением национальной идентичности в современной консолидации государства, общества, нации (народов) для обеспечения стабильного существования субъектов Каспийского макрорегиона.

Авторы доклада «Интересы региональных и внерегиональных держав в Каспийском регионе», к.и.н., доцент ВолГУ Е.В. Архипова и аспирант ВолГУ П.Р. Мыкоц на основе мир-системного подхода и факторного анализа определяют интересы региональных и внерегиональных держав в каспийском регионе, а также зоны их столкновения, коими являются противоречия каспийских стран по поводу ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, противоречия внерегиональных держав по обеспечению доступа к разработкам месторождений, к транспортной инфраструктуре и к созданию буферных зон.

Авторы приходят к выводу, что в краткосрочной перспективе в регионе можно ожидать сохранение напряженной ситуации вокруг Нагорного Карабаха для оказания влияния на страны региона, при подчёркнутом нежелании перехода к

масштабным вооруженным столкновениям. В то же время очевидно усилится вовлечение стран коллективного Запада в политические процессы в каспийских странах и можно предположить смягчение санкций в отношении ИРИ для создания рычагов давления на РФ.

Серьезную угрозу безопасности представляет фальсификация общей истории. Это опасный фактор дестабилизации социокультурной и геополитической ситуации в Каспийском макрорегионе. Данной проблеме посвящен доклад С.Н. Чаплыгина (АГУ).

Для оценки реальных исторических событий и изучения исторического опыта народов важным представляется охрана и популяризация культурного наследия. Охрана культурного наследия, в том числе и нематериального, рассматривается как фактор устойчивого развития и обеспечения безопасности Каспийского региона в докладе кандидата юридических наук, доцента Т.В. Говердовской (АГУ). В выступлении был дан краткий обзор взаимосвязи охраны культурного наследия с целями устойчивого развития ООН. Докладчик акцентировал внимание на том, что охрана нематериального культурного наследия является фактором обеспечения безопасности многонационального и мультикультурного Каспийского региона. В 2015г. Генеральная ассамблея ООН приняла повестку дня в области устойчивого развития, подчеркивая особую взаимосвязь и взаимозависимость устойчивого развития и международного мира и безопасности. А поскольку культура пронизывает все сферы общества, то и сохранение всемирного культурного наследия является фактором устойчивого развития и обеспечения безопасности. Особое внимание было уделено функционированию правового механизма обеспечения защиты традиционных форм культурного наследия, прописанного в международном праве, а это влечет за собой необходимость разработки механизмов защиты нематериального культурного наследия государствами «каспийской пятерки».

Один из самых действенных способов популяризации культурного наследия и установления культурных контактов – международный туризм. Проблемы и перспективы этого направления на примере развития туристической деятельности Ирана были раскрыты в выступлении кандидата философских наук, доцента кафедры культурологии Тихоновой В.Л. (АГУ). Специально разработанные туры по Ирану для российских туристических групп становятся доступны с 1 июля 2022 года. Российские туристы должны учитывать специфику иранского образа жизни: дресс-код, отдельные для женщин и мужчин пляжи, вагоны, места ожидания, отсутствие в свободной продаже алкоголя и пр. Кроме того, анализ сайтов показал факт по большей степени негативное отношение иранцев к России и россиянам. Причины – изложение истории в школьных учебниках с акцентом на военном противостоянии данных стран в разные исторические периоды, а также незаконное использование программы ВПН, позволяющей знакомится с прозападными новостями, выставляющими Россию как страну агрессора. Но несмотря на это, к россиянам иранцы относятся весьма дружелюбно по причине восточной традиции, а также непривычному столкновению на улице с иностранцами, воспринимаемыми

местными как экзотику. Исходя из этого, можно сказать, что россияне, решившие посетить Иран, должны серьезно отнестись к жестким правилам жизни в посещаемой стране и не провоцировать негативных ситуаций с местными властями и населением.

В обеспечении безопасности и устойчивого развития прикаспийских государств большую роль играет «мягкая сила», понимаемая как «мягкое влияние», «скрытое воздействие», «косвенное управление», «манипулирование». Мягкая сила в реальной жизни выступает в различных формах: политических, правовых, этических, религиозных, философских, соответственно, её можно считать элементом культуры, результатом интеллектуальных усилий ученых, политиков и общественных деятелей. Идеология «мягкой силы» базируется на восприимчивости людей, использовании их верований, чувств, традиций, обычаев, определяющих действия; О перспективах и рисках использования «мягкой силы» говорится в докладе кандидата юридических наук, доцента И.Н. Лисянского (АГУ).

Определенную проблему представляет зарубежное исламское образование народов Прикаспийских государств, что проявлялось еще в досоветский период истории российского государства: северокавказские мусульмане возвращались из зарубежья с мыслями «опасными для российской государственности». Кандидат философских наук З.М. Абдулагатов (Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН) на основе данных социологического опроса мусульман Дагестана, прошедших обучение за рубежом в XXI в., выявил, что около трети из них возвратились на родину с салафитским конфессиональным сознанием, в перспективе способном к протестной радикально салафитской деятельности в регионе.

Автор показал, что зарубежное исламское образование оказывает негативное влияние на межконфессиональные, конфессионально-государственные отношения мусульман и в современной России. Экстремальность исламского сознания обучавшихся в зарубежных исламских образовательных учреждениях выражаются в том, что треть обучавшихся возвращаются на родину с конфессиональными сознаниями – ханбалитскими, безмасхабными, противоречащими господствующей местной исламской традиции, а основная масса обучавшихся не считают необходимым следовать законам государства, если они противоречат Шариату.

Тему влияния зарубежных событий на безопасность Каспийского региона продолжил главный редактор портала «Каспийский вестник», аспирант Астраханского государственного университета В.В. Кондратьев, проанализировавший ключевые аспекты влияния событий на Украине на геополитику и безопасность Каспийского региона. Было отмечено, что эти события будут способствовать углублению российско-иранского сотрудничества, как в Каспийском регионе, так и на других направлениях, а традиционные партнёры России в регионе - Казахстан, Азербайджан и Туркмения могут получить выгоды от попавшего под санкции крупного российского бизнеса, который будет заинтересован в новых крупных экономических проектах с прикаспийскими

странами. Внимания заслуживает политика США, которая с целью сохранения созданных на Каспии геополитических позиций активизирует контакты со странами Большого Каспийского региона по вопросам экономического сотрудничества и безопасности для недопущения их перехода в сферу приоритетного влияния «активизировавшейся» России.

На основе проведенного исследования докладчик отметил международный характер политико-правовых угроз, что требует коллективных усилий прикаспийских государств по их нейтрализации и обуславливает необходимость качественного совершенствования системы коллективной безопасности в Каспийском регионе.

Актуальной проблемой современности с связи с происходящими событиями становится энергетическая безопасность. Интерес европейских стран и США к Каспийскому региону во многом объясняется наличием сырьевых ресурсов и, прежде всего возможностью экспорта природного газа. Это проблема не только энергетическая, но и политическая. К такому выводу приходит доктор политических наук, профессор МГЛУ А.К. Магомедов.

Так, экспорт природного газа из Каспийского региона в целом и из Азербайджана в частности рассматривается политическими силами Германии в основном как временная мера на пути к полному переходу к возобновляемым источникам энергии. При этом не исключается реализация планов по расширению газовой инфраструктуры и осуществлению новых проектов, если это будет отвечать потребностям немецких граждан и немецкой экономики. Автор считает, что все политические партии, кроме Зелёных, более трезво рассматривают ситуацию, поэтому даже в своих заявлениях не готовы обещать полного отказа от газа ни сейчас, ни в будущем, поскольку они также понимают все возможные сложности и затраты, связанные с полным переходом к возобновляемым источникам энергии.

О проблемах экологических вызовов равнинного Дагестана говорил М.И. Билалов – профессор, доктор философских наук Дагестанского государственного университета.

Проблеме продовольственной безопасности стран Прикаспия в условиях глобальных вызовов был посвящен доклад кандидата политических наук, декана ФСК Астраханского государственного университета Оськиной О.И. и студента Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии А.А. Бисалиева. Продовольственная проблема государства включает в себя не только обеспечение населения продовольствием, но и заботу о здоровье человека, его продолжительность жизни и работоспособность. Именно поэтому продовольственная безопасность относится к числу первостепенных задач как на региональном, так и на федеральном уровне. Анализируя состояние продовольственного обмена стран Прикаспия, авторы приходят к выводу, что для обеспечения продовольственной безопасности стран Прикаспия в условиях санкционной войны против России необходимо усилить нормативно-правовую базу, придать интеграционному сотрудничеству Прикаспийских государств

инновационную основу, направленную на решение вопросов продовольственной безопасности.

Медицинский психолог Е.В. Гончаренко (АГМУ) затронул тему профайлинга и раскрыл методы безынструментальной детекции лжи в работе с причастными лицами, обвиняемыми в сексуальных преступлениях против несовершеннолетних. В докладе была представлена классификация сексуальных преступников-педофилов и ситуативных растлителей в криминологии. Обсуждалась актуальность обучения профайлингу сотрудников правоохранительных органов и студентов юридических факультетов высших учебных заведений.

О важности соблюдения правил пожарной безопасности на объектах с массовым пребыванием людей рассказал С.В. Денисов из Управления надзорной деятельности и профилактической работы ГУ МЧС России по Астраханской области.

О правовых основах обеспечения информационной безопасности Каспийского региона говорила ассистент кафедры международного права Л.М. Старкова (АГУ). Она проанализировала существующую базу нормативно-правовых источников, формирующих правовую основу интеграционных процессов в рамках каспийской пятерки государств. Автор приходит к выводу об отсутствии эффективной системы обеспечения безопасности, в том числе в отношении новых вызовов и угроз безопасности в информационной сфере. Обозначенные тенденции указывают на необходимость поиска новых путей формирования единых подходов к мерам доверия и безопасности. Докладчик предлагает поэтапный план разработки первоначальных рекомендаций по совершенствованию национального законодательства государств Каспийского региона в сфере обеспечения информационной безопасности.

Для изучения вопросов комплексной безопасности Каспийского макрорегиона необходимы количественные социологические исследования, о чем в своем докладе рассказал зам. декана ФСК Александр Владимирович Рогов (АГУ). В докладе были рассмотрены особенности методологии и методики количественного социологического исследования, проводимого в контексте изучения вопросов комплексной безопасности на территории стран Каспийского бассейна. Рассмотрены особенности составления программы социологического исследования, формирования выборочной совокупности, создания инструментария, принципы сбора первичной социологической информации, контактной работы с удаленными полевыми участками, выбора способа опроса. Отдельно уделено внимание проверке и корректировке базы данных опроса, предварительной аналитике, составлению комплектов измерительных таблиц и срезов данных. Отражены особенности сложной аналитики, составления промежуточного, описательного и аналитического отчетов, графического и презентационного материалов.

Программист Астраханского государственного университета А.И. Кривенко раскрыл процедуры сбора, хранения и анализа текстовой информации, полученной из открытых источников в интернет-пространстве, для наблюдения за изменением

мнений и настроений в обществе на примере Каспийского региона. Приведены примеры построения запросов для сбора текстовой информации: постов тематических групп в социальных сетях; популярных новостных сайтов. Рассмотрен процесс аналитики текстовых данных на примере Каспийского региона.

Научный сотрудник Центра изучения комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, аспирант кафедры культурологии Д.А.Черничкин проанализировал онлайн-активность пользователей социальных сетей и их влияние на общественно-политические процессы в Республике Казахстан. Для анализа были выбраны представления в СМИ о январских событиях 2022 г. в Республике Казахстан на примере русскоязычного сегмента видеохостинга YouTube. Контент-анализ видеоматериалов, проведенный с 05.01.2022 по 27.01.2022, позволил типологизировать видео-контент на условные группы: прогосударственные, нейтральные и оппозиционные. Доминирующей точкой зрения является оппозиционная, заключающаяся в осуждении проводимой российскими властями политики по отношению к государствам постсоветского пространства, и определяющая их как стремящиеся к сохранению пророссийских лидеров у власти, тем самым представляя протесты как попытку выходы из-под российского влияния. Данной точке зрения соответствует негативное восприятие любой формы влияния на политический режим государств постсоветского пространства, на территории которых политические настроения имеют тенденцию к европеизации и (или) либерализации режима правления, с целью их предотвращения или помощи официальной государственной власти в борьбе с ними.

Рефлексия студентов прикаспийских государств на январские события 2022 года в Казахстане в контексте безопасности региона была представлена в выступлении кандидата социологических наук, доцента А.В.Григорьева (АГУ). На основании анализа данных, полученных в рамках фокус-групп, проведенных в феврале-марте 2022 со студентами гражданами Казахстана, этническими казахами, проживающими на территории Астраханской области и обучающимися в Астраханском государственном университете имени В.Н. Татищева, автор пришел к выводу, что протесты являются следствием наличие ряда нерешенных социально-экономических проблем и, с другой стороны, фиксируют недостаточную эффективность власти в коммуникации с обществом.

Целью работы Секции было выявление насущных проблем прикаспийского региона и формирование совместных научных проектов и команд по приоритетным направлениям развития и противодействия основным вызовам в Каспийском регионе для реализации проектов, направленных на устойчивое социокультурное, конфессиональное, политическое развитие Каспийского региона.

Все участники имели возможность поделиться своим мнением по представленным проблемам. По итогам работы секции участники пришли к выводу, что все страны Каспийского региона сталкиваются с угрозами безопасности, обусловленными политическими, экологическими,

социокультурными проблемами, и очень важно найти взаимоприемлемое решение по названным проблемам. Поэтому всестороннее инфраструктурное развитие региона требует вовлечение всех прикаспийских стран в равной степени.

В заключительном слове профессор Усманов Р.Х. отметил, что результатом совместной работы должно стать налаживание тесного научно-образовательного сотрудничества стран «Каспийской пятёрки», укрепление позиций Астраханской области как связующего звена в вопросах международного взаимодействия. Реализация предложенных идей и проектов будет способствовать укреплению безопасности прикаспийских государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Костина, А.В. (2009). Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы. *Религия, культура, образование*, 4, 167-175.

Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет.: В. С. Степин и др. Москва: Мысль, 634 с.

Для цитирования: Хлыщева, Е.В. (2022). Международная научно-практическая конференция «Каспий и глобальные вызовы». *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 2(2), 67-76

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_68

REFERENCES

Kostina, A.V. (2009). The crisis of modern identity and the dominant strategies of identification within the boundaries of an ethnic group, a nation, and a mass. *Religion, Culture, Education*, 4, 167-175. (in Russian)

New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols. Institute of Philosophy of Russia. acad. Sciences, National social-scientific fund; Scientific-ed. advice: V. S. Stepin and others. Moscow: Mysl, 634 p. (in Russian)

For citation: Khlyshcheva, E.V. (2022). International scientific and practical conference "Caspian and global challenges". *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(2), 67-76.

DOI 10.54398/2713024X_2022_2_2_68

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan State University
named after V.N. Tatischev

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan Russia
414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street,
office 412, Astrakhan Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-
operation please write an e-mail the following
address: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУВО
"Астраханский государственный
университет им. В.Н. Татищева"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул.
Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г.
Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н.

Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и
публикации материалов обращаться по e-
mail: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88